

Игорь Чубаха

За пригоршню астрала

Игорь Викторович Чубаха

За пригоршню астрала

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180433

Аннотация

В Петербурге пребывает достаточное число граждан, зарабатывающее на жизнь оккультными науками. Всяческие Бабы Мани, маги Ивановы, целители, колдуны, астрологи... Все они преспокойно дурят народ и имеют на этом добротный кусок масла. Типажи подобных жуликов составляют фон романа.

Однако проживают в Петербурге и подлинные черные колдуны, и прочая нечисть. Хорониться она предпочитает под землей, в туннелях и катакомбах метрополитена, там, «откуда кресты на церквях не видно».

Надзирать за нечистью, чтоб она не шибко распоясывалась, поставлен сверхсекретный отдел при ГУВД – ИССАЯ (ИССледование Аномальных Явлений). Руководитель сверхсекретного отдела, Максим Максимыч, с некоторых пор начинает замечать, что в его ведомстве не все ладно. В городе начинают сворачивать деятельность многие секты и активизируются радикальные мистические группы.

Другой персонаж – торговец антиквариатом Стас получает необычный заказ разыскать утерянную еще в опричнину реликвию. Заказчиком, как потом выясняется, выступил черный колдун Передерий.

Каждый из персонажей в силу своего профессионального опыта начинает расследование происходящих в городе «странностей».

Содержание

ФРАГМЕНТ 1	5
ФРАГМЕНТ 2	19
ФРАГМЕНТ 3	31
ФРАГМЕНТ 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Игорь Чубаха

За пригоршню астрала

мистерн

Книга публикуется в авторской редакции.

Все заклинания и ритуалы изменены, всякое совпадение случайно.

Лицо, нарушившее любые авторские права по данной книге, подпадает под Третий Вид Латентного Проклятия.

ФРАГМЕНТ 1

ГЕКСАГРАММА ГУАНЬ

«СОЗЕРЦАНИЕ»

УМЫВ РУКИ, НЕ ПРИНОСИ ЖЕРТВ¹

Понедельник. Луна в Козероге. Восход Солнца – 7.23, закат – 17.03. Приснившееся ночью не сбывается и никакого значения не имеет. Овнам в конце месяца рекомендуется умерить активность и заняться личными делами. Многие кармические системы Азии рекомендуют в этот день выбирать дороги на Север и Запад, а не на Юг и Восток.

Двор был типичным для центра Питера. Сырой и грязный. На фоне непрозрачно-серого неба зло шелестели под пронизывающим ветром почти осыпавшиеся узловатые тополя. Жирная черная вода в ливневых канавках там и сям отражала ядовито-оранжевые прямоугольники проснувшихся окон.

Патрульная машина с не заглушенным двигателем стояла в пяти метрах от группы людей. Серо-фиолетовых в серо-фиолетовом утреннем сумраке. Таким же серо-фиолетовым казался огромный мусорный контейнер за их спинами. Несколько сорванных ветром листьев прилипло к его шершавым бокам.

Шофер не позаботился выключить мигалку машины, и мечущийся по кругу кислотно-голубой холодный свет то окатывал стынувших людей, припечатывая к трещинам асфальта уродливые кособокие тени, то прошивал черные закоулки двора. Утренний озноб забирался под куртки и плащи. Кислая вонь от контейнера щекотала ноздри.

– Да выруби ты мигалку! – сипло крикнули шоферу, не особенно заботясь, что разбудят еще не продравших глаза жильцов ближайшего дома. – Ни фиги ж не видно!

Но дискотечное пятно продолжало плясать – наверное, шофер закемарил в тепле салона.

Жалобно твякнула и завyla жмущаяся к ногам хозяина собачонка. Ее хозяин маялся в сторонке. И любопытно, и колется.

Группа состояла из пяти человек – еще не прозевавшихся, но уже злых. На осень, на погоду, на свою дурацкую работу.

– У меня для тебя две новости. Одна хорошая, одна плохая, – передвинув на две трети скуренную и на треть обслонявленную сигару в угол рта, сказала одно должностное лицо, в высокой шляпе, другому. Его светло-коричневое драповое пальто в проблесках «мигалки» казалось чуть зеленоватым. Ветер хватал за полы, норовя пробраться под драп и там согреться. Но, несмотря на холод, должностное лицо стояло, по-ковбойски широко расставив ноги.

– Ну? – заинтригованное облачко пара поглотил сумрак.

– Горло – сплошная рана. А кровищи вокруг, как кот... наплакал.

– А какая хорошая? – лениво, сквозь зубы процедило второе лицо.

– Это и была хорошая.

Особо резкий порыв ветра чуть не сорвал шляпу, и ее обладателю пришлось, выбросив руку из рукава, ухватиться за фетровое поле. Шляпу он поймал профессионально ловко, как карманника на кошельке.

¹ Название глав приводится по переводу «Книги Перемен», выполненному Юлианом Щуцким

– Опять серия, – не улыбнулось на штатную шутку лицо без шляпы. – Кто труп обнаружил? – Лицо явно еще не успело настроиться на рабочий лад после блаженных выходных. Не хотелось лицу ни улики коллекционировать, ни свидетелей опрашивать. Пар-р-ршивая служба.

– Дворничиха. Вон у стенки мнется, – ответ прозвучал тоже без энтузиазма.

Который без шляпы посмотрел. Дворничиха была в наличии. И он уже собрался, бряцая подковками, направиться к ней – до приезда экспертов задать пару-тройку скучных вопросов, – но тут к группе, отважно ступая (лужи там или не лужи), под ноги не глядя, приблизилась распатланная восьмидесятилетняя мегера в накинутаой поверх домашнего халата фуфайке.

– Кто тут старший? – требовательно спросила старуха. В руке намертво зажато ведро с мусором. Глаза жадно косят на прикрытое бурым картоном распростертое тело. С одного краю из-под картона торчит пара стоптанных ботинок, а сбоку – кисть руки со сведенными судорогой серо-фиолетовыми в утреннем сумраке пальцами.

Двое бредущих по переулку работяг посчитали возможным сбиться с маршрута – работа не волк – и мимо облезлой коробки хоккейного поля, мимо почти осыпавшихся тополей направились к месту действия. Теперь подойти поближе можно и Максиму Максимовичу. И он, оставив подворотню, аккуратно обошел три черные лужи, дряхлый «москвич», принадлежащий кому-то из жильцов дома, не новый «фольксваген» с фээсбэшными номерами и патрульный «жигуленок» с настырной мигалкой.

– Бабуля, тебе чего? – без энтузиазма спросило ответственное лицо в шляпе. Максимыч его знал по фотографиям: Перебродьков, Лев Николаевич. Зам четырнадцатого отдела Петербургского ФСБ.

Что тут делает ФСБ? Кроссворд отгадывался элементарно. Дежурный по городу спросонья перебросил сигнал не в районный ООТП², а коллегам. Коллега уже на месте сориентировался и кликнул, кого положено. А сам остался «подежурить» до приезда бригады. Мало ли что...

Его собеседник, который без шляпы, тем временем ногой поправил картон, чтобы тот закрыл от посторонних глаз руку жертвы.

– Старший кто? – не отступала старуха, косясь на тело мученика. Также понятно: от того, углядит она что-нибудь или не углядит, зависит ее недельный рейтинг у приятельниц. Страшная это была старуха. Косматая, крючконосовая, с волосатой бородавкой на губе.

– Ну я, – выдохнул очередное облачко пара человек без шляпы. Максимычу и он был известен: Калинин, Виктор Дмитриевич. Пятьдесят четвертого года рождения. Разведен. Выговор без занесения за превышение полномочий.

– А документик у тебя имеется? – хитро прищурилась ведьма, как будто все только спят и видят, чтобы ее обмануть.

Без шляпы нехотя полез за пазуху и выудил удостоверение. Привычно раскрыл, предъявил и собрался прятать.

– Начальник отдела по особо тяжким преступлениям управления внутренних дел Адмиралтейского района. – Говорил Виктор Дмитриевич негромко, чтобы не глотать лишние кубики прелой вони, исходящей из мусорного бака.

По блеклым пятнам опавших листьев подошли еще двое не спешащих на работу зевак.

– А можно еще разок глянуть, а то я без очков не дюже зрячая? И как фамилие твое, повтори. – Ведьма оскалила в жуткой улыбке редкие зубы. Что значила улыбка – бес ее разберет. Но настолько эта гримаса была кошмарна, что все до единого – и члены группы, и зеваки – невольно отшатнулись.

² Отдел по Особо Тяжким Преступлениям

– Бабуля, не томи. Говори, если есть что сказать, – начал накаляться, как включенный утюг, начальник ООТП. Ох, не нравилась ему старуха. Чувствовал командир: здесь что-то не то.

Максими́ч же наклонился всем туловищем вперед, боясь пропустить мимо ушей какую-нибудь важную деталь.

– Ну, коли ты здесь главный, то скажи, можно мне мусор высыпать?

Стоящий рядом с начальником гражданин в высокой шляпе, метко плюнув окурком в лужу, встрял:

– Идите, бабушка, погуляйте. Когда можно станет, мы к вам тимуровца пришлем.

Говорил он, стараясь смотреть в сторону. И блуждающий взгляд его вдруг столкнулся с внимательным прищуром Максими́ча. Который в шляпе мгновенно подобрался, охотничьим своим чутьем зафиксировав, что вот этот гражданин, в плащике с готовой оторваться нижней пуговицей, излишне умными глазами впитывает обстановку. Чересчур уж настырно для рядового лоха.

Бабушка, вероятно, только и ждала от ворот поворот. Она отступила на два шага, поставила ведро на грязный асфальт, подбоченилась и открыла редкозубую пасть:

– Это что же получается?! Бедной женщине, значит, уже и мусор выкинуть нельзя?! Сначала, значит, со своим Черномырдиным пенсию задерживаете, а теперь и мусор!

Каждое слово «мусор» больно било по ушам начальника ООТП.

– Бабушка, Черномырдина давно сняли, – примирительно сказал зам. отдела, меж тем не выпуская из-под наблюдения подозрительного гражданина в простецком плащике и простецкой же кепочке. Низкие седые брови, прямой нос, губы сжаты в ровную линию. Глаза внимательные, но... Но не настолько, чтобы тут же, на месте, гражданину крутить руки. Или подвел фээсбэшника обманчивый луч мигалки?

– Для отвода глаз сняли! А на самом деле ему поручили с нашими пенсиями сбежать в заграницу! – брызнула отравленной слюной ведьма. А глаза продолжали поедать скрывающий труп картон и торчащие из-под картона подошвы.

Еще несколько сонных, на автопилоте вышедших из подъезда пролетариев придержали шаг. А потом, проснувшись, и вовсе остановились. Любопытные, как мухи.

– Трубу прорвало или убили кого? – затеребила полу люмпенской куртки невесть откуда взявшаяся в задних рядах дамочка, держащая за руку приблизительно пятилетнего пацана. На правом ботинке пацана болтался развязавшийся шнурок.

Максими́ч, кляня себя за неосторожность, переступил с ноги на ногу. На самом деле скрывая смену маски. Точнее, маску натянуть он только сейчас сообразил. Расслабил плечи, погасил огонек на донышке глаз, разжал зубы. Но потихоньку, чтоб не перебрать. Отчаливать не спешил. Он не собирался упустить ни единого слова из разговора ментов. Сомнительно, что всплывет нечто важное, но чем черт не шутит...

Вдруг заткнулся движок милицейской машины и погасла синюшная язва мигалки. Верхние этажи тесно стоящих домов окрасились в сине-розовый цвет. Сюда, на дно переулка, восходящее солнце не рвалось. Стало слышно, как кто-то неглавный в группе мурлычет: – ...Где мчится скорый «Воркута – Ленинград», – этот кто-то тут же заткнулся.

– Участковый, разберитесь, – наконец нашел выход из положения начальник.

Максими́ча такое решение в восторг не привело. Слабак.

– Не ходи без кирпича в переулок Ильича, – пробубнил в усы единственный в милицейской форме. Доселе беззвучно в усы подхихикивающий над начальством. И обратился к старухе: – Пройдемте-ка, гражданочка. Проверим, не пускаете ли вы к себе жильцов без прописки.

Ведьма собралась оставить последнее слово за собой, но налетевший ветер прорвался сквозь редкие зубы и выстудил пыл. Впрочем, что ей было надо, она рассмотрела.

Наученному горьким опытом Максимычу хватило одного осторожного взгляда на застывшие лица оперативников, чтобы понять – не верят ребята в успех своего дела. Потому и не тратят силы на увещевания зевак: расходитесь, товарищи, ничего интересного, дескать, нету. Всего-навсего второе серийное за два месяца. Почерк одинаковый. И никаких зацепок...

А есть ли что интересное для Максимыча? Постой-постой, вон же свежий отпечаток звериной лапы... Четкий отпечаток посреди лепешки дегтярной грязи.

Недосопровожденный в детсад малец выкрутился из руки мамыши:

– Нафяльник, а вы пальфики флепили?

Судя по тому, что дитя не выговаривает шипящие, ему не пять, а не более трех годков. Акселерат.

Максимыч разглядывал след. Огромный такой. Отметил: раза в два крупнее, чем у матерого волкодава. И тут же, вспомнив свой прокол, отвел глаза. Все-таки фээсбэшник нет-нет, да и поглядывал на Максимыча, как конокрад на лошадь.

– Коля! – истошный вопль донесся от подъезда, и сразу же сработала сигнализация у «москвича»:

«Уау-уау-уау!..» – как бормашина.

Прогуливаемая собачка вновь заскулила – в тон сигналу, но тягаться в громкости ей было слабо. Ее хозяин продолжал робко топтаться в отдалении, так и не рискуя утолить жажду знаний. Дворничиха, устав наконец пребывать без внимания, потихоньку нацелилась слинять домой, но...

– Коля! – перекрикивая противное завывание сигнализации, разметала толпу женщина в резиновых сапогах и обмотанном вокруг шеи шерстяном платке. Рванулась к труп, однако опера слаженно подхватили ее под руки.

Дворничиха решила остаться. Несмотря на демонстративное усердие, участковому удалось отвести склочную старуху с мусорным ведром пока всего на десять метров.

Виктор Дмитриевич что-то спросил – жаль, не слышно было из-за противоугонного воя.

– Коля!!! – не обращая внимания на оперов, не видя ничего, кроме прикрывающей тело картонки, визжала женщина.

Из недр переулка вырулил джип «Судзуки» – с заляпанными грязью номерами, бортами и, кажется, даже крышей, – окатил собравшихся вокруг трупа волной дальнего света и, заинтригованный, тормознул. Фары погасли, мир вновь погрузился в рассветную хмарь. Из тачки выбрались двое крепких мужиков и нетвердой походкой направились к месту происшествия. Ветер шевелил их сырые волосы: дальше по переулку располагались пользующиеся специфической славой «Казачьи бани»; эти двое, очевидно, только что завершили процедуру омовения в номере люкс.

– А ефли телпила налкоты нафлался? – продолжал допрос молчаливых оперов малец-вундеркинд. Очевидно, он хотел сказать: «А если терпила наркоты нажрался?». Вероятно, мамыша позволяла ему смотреть сериал «Улицы разбитых фонарей».

– Коля... – уже не кричала, а лишь жалобно ныла придерживаемая операми женщина. Некрасивая в горе. Скорее всего, и в радости тоже.

«Уау-уау-уау...» – неистовствовала сигнализация, довольная, что слушатели не расходятся.

– А ну, отойдите от моей машины!.. – хрипло рывкнула в форточку всклокоченная голова, но, углядев милицейский «жигуленок» и группу хмурых подтянутых мужчин, сбавила тон: – Что, вскрыть какая-то сволочь пыталась? Поймали?

Ему не ответили.

Максими́ч, не обращая внимания на шум, фиксировал детали: опера ждут экспертов и, вероятно, не особо верят в быстрое раскрытие преступления. Кто-то из них сказал заветное слово «серия». Значит, будут разрабатывать версию про маньяка. Непомерно большой, явно не собачий след опера пока не заметили. И еще: служивые не обратили внимания на то, что в округе все кошки попрятались. А их, кошек, в старых питерских дворах всегда видимо-невидимо. Да, дешевым ковбоем оказался начальник ООТП.

– Что дают? – неудачно пошутил, раздвинув торсом толпу, крепкий мужик из джипа. Еще красный после парилки. И до отворачивания жизнерадостный: хмель не выветрился.

На лице главного мента проступил оттенок брезгливости. Впрочем, твердую кожу крепкого мужика оттенок не прожжет.

Мужик из джипа оступился, растоптал привлечший внимание Максими́ча след, направился к «москвичу» и двумя ударами кулака по капоту заставил сигнализацию замолчать.

– Я сейчас выйду! – пригрозила в наступившей тишине голова из форточки.

– ...лафболка? – услышали все обрывок вопроса мальчика, и мысленно каждый поправил: не «лафболка», а «разборка».

– Ко... ля... – хныкала женщина в руках сотрудников милиции.

Ветер пытался украсить картон тополиным листком. Ветру результат не понравился, и он послал листок подальше. Куда листок отправился, заинтересовало только дворничиху.

Хозяин собаченки все же решился приблизиться к зевакам, но стоило его взгляду нащарить бугрящуюся картонку, как глаза надолго зажмурились, а голова откинулась назад.

Второй из джипа профессионально быстро срисовал происходящее и молча кивнул на торчащие из-под картона ботинки. Улыбка первого уменьшилась, но на нет окончательно не сошла.

– Ты, тетка, не вопи, – повернулся он к предполагаемой супружнице «жмурика». – Мы люди с понятиями. Горе у тебя. – Широким жестом достал из нагрудного кармана «пилота» визитку и протянул женщине. – Седня звякни, спонсорскую помощь окажем.

Опера ослабили хватку. Тетка причитать не перестала, но визитку схватила проворно. Окружающие разом стали с завистью гадать, почему это холод крепышей не пронимает, и интересно, сколько капусты они отвалят вдове. Бандюганы проклятые. Насосались дармовых денежек, теперь выпендриваются.

Ушлый мент, зам. четырнадцатого отдела ФСБ, воткнул в зубы новую сигарку, но прикуривать не стал. А стал просто мусолить во рту.

– Значит, вы узнаете в потерпевшем своего мужа? – жестко поставил вопрос начальник отдела особо тяжких преступлений, даже не подумав освободить труп от картона. Вместо вдовы кивнула дворничиха. За ней кивнула дамочка, упустившая мальчика.

– Сволочь! Пьянь! Догулялся! – Из глаз вдовы хлынули слезы. Больше она ничего не смогла сказать, только, переложив визитку в левую руку, правой начала тыкать в ботинки. Дескать, признаю. Колины ботинки. Забуддыги моего беспробудного.

– Сонь, ты только не ругайся, – неожиданно бодро донеслось из тыла толпы.

Толпа шарахнулась, расступаясь. Один из работяг раскатисто заржал, но осекся, устыженный порывом ветра. Кто-то наступил куцей собачке на лапу, и она жалобно тявкнула. Все уставились на потертого типчика, украшенного трехдневной щетиной. Не на мнущие драную матерчатую сумку руки, не на запавшие глаза с красными жилками, а на его торчащие из-под жиденького плащика босые ноги.

– Ах ты... – кинулась в атаку супружница, мгновенно отбросив траурную благочестивость, и наперегонки с ветром стала хлестать, хлестать, хлестать гуляку по щекам, по голове. – Пропил! Пропил ботиночки-то последние!

– Соня, Сонь! Люди ж смотрят... – виновато и глупо улыбаясь, пытался закрыть лицо руками нежданно воскресший.

И пока толпу занимала семейная сцена, Виктор Дмитриевич в сердцах, чиркнув по асфальту подковой, пнул картонку и освободил труп от маскировки.

Тишина навалилась, как насильник в лифте.

Мелко и часто крестясь, старуха попятилась, выронив ведро с мусором, волосы на бородавке встали дыбом.

Первый из джипа с ухмылочкой повернулся было ко второму: глянь, мол, какой у нас в России забавный народ, да так и замер.

Заметив перемену в лице дружка, второй рывком обернулся. Зажмурился. Потряс головой. Открыл глаза и залепетал:

– Слышь, начальник, это не мы Толяна грохнули... Не мы... Нет, отвечаю, было дело, поцапались в бане... С кем не случается по пьяной лавочке... Что правда, то правда – попинали его малость и за дверь вытолкали... Так мы ж потом ему шмотки в окно кинули... – Голос без надежды, что поверят.

Дальше Максим Максимович не слушал, потому что уже сворачивал за угол, кожей ошущая на спине липкий взгляд фээсбэшника.

На Загородном проспекте, не в пример дворику, было светлее. Начинался очередной понедельник. Люди спешили на работу. Не «мерседес», не джип, а, как встарь, служебная «Волга» ждала Максимыча на другой стороне проспекта, возле Витебского вокзала. Правда, пришлось перебегать дорогу перед самым носом у стрекочущего кузнечиком трамвая.

Максимыч дернул на себя незапертую черную дверцу и втиснул тело внутрь салона, на сиденье рядом с шофером, дрыгающим ногой и отмахивающим ладонью такт песни.

– Самба белого мотылька!!! – голосом Леонидова надрывалось «Радио Балтика». Или голосом Меладзе?

Максимыча это не очень-то волновало. Он кивнул шоферу – дескать, двигаем в офис – и переключил приемник на спецволну. В салоне пахло чем-то сладким, похожим на ладан.

– Семенов! – сквозь внезапно нахлынувший шум помех пробился неприятный, какой-то излишне руководящий женский голос. – Бдительные граждане стуканули, что на Витебском вокзале, возле валютника, баки толкают не просто кидалы, а наш родной постовой мент. Совсем оборзел. Проверь-ка.

– Так там же рядом «убойники» торчат – пусть сами проверят.

– Семенов, не наглей, «убойники» своими делами занимаются...

Максимыч лениво оглянулся на удаляющееся в заднем стекле здание метростанции «Пушкинская», закрывающее вид на Витебский вокзал. А мозг переваривал полученную на месте преступления информацию.

– Аникина, – прорвался в эфирные шумы мужской баритон, – спроси у заступающих, как там «Зенит» сыграл?

– Просрал твой «Зенит», – не без мстительности объявила диспетчер. – И вообще, Трюхин, не засоряй эфир.

Думать о трупе почему-то не хотелось. Максимыч, потянувшись, изловил с заднего сиденья портфель, щелкнул замочком и разложил на коленях блокнот. Несмотря на то, что машину слегка потряхивало, он разборчиво вывел на чистом листке:

«Калинин В. Д.: жидковат в коленках». И добавил рядом: «Перебродьков Л. Н.: продолжить работу».

Загородный проспект до самых знаменитых Пяти углов был перекрыт. Пришлось сворачивать на Фонтанку. Грязные облака висели над мертвенно-серой стылой водой.

Один из старейших и солиднейших заказчиков Максимыча – некая пейджинговая контора – искала себе достойного директора по безопасности. «Не старше сорока пяти, с опытом руководящей работы не менее...» Читай – со связями в органах. «Оклад – от полутора тысяч долларов США по договоренности». Поиск кандидатов такого уровня Максимыч ста-

рался не передоверять кому-нибудь из подчиненных, а выполнять сам. Чтоб нюх не терять, и вообще...

Наглая «тойота» на мосту подрезала «волгу». Шофер Сашка на это никак неотреагировал. Вышколенный кудрявый сфинкс. От самого проспекта маячившая в зеркальце «копейка» ушла прямо по Гороховой. И слава Богу, а то Максимыч, грешным делом, подумал было, уж не хвост ли?

Калинина Вэ Дэ Максимыч пока из блокнота вычеркивать не стал. Ведь неизвестно, удастся ли уломать Перебродькова покинуть госслужбу и уйти в частный сектор. Вполне возможно, ушлый ментяра успел отклонить не одно подобное предложение. Впрочем, не было особой уверенности, что и Калинин по добру, по здорovu оставит отдел. В идеале следовало подготовить два-три (ну, три – это заказчики обойдутся) досье и представить пейджинговому генеральному директору на выбор. И только когда генеральный выберет и заплатит аванс, устроить дело так, чтобы на голову кандидата посыпались шишки на последнем месте работы. И тут появляется обольститель Максимыч весь в белом...

Из приемника диспетчер Аникина, преодолевая помехи, вдруг затребовала:

– Ковалев, отзовитесь!

Спустя две секунды отозвались:

– Дома твой Ковалев. Дрыхнет. Они все выходные Апрашку трясали. Паленую водку конфисковывали...

Аникина возмутилась:

– Никакой он не мой, этот Ковалев. Поступил сигнал. Московское шоссе двадцать пять. Подозрение на кражу со взломом. – И диспетчер обиженно отключилась.

– Принято, – прохрипел эфир мужским басом.

Максимыч, слушая вполуха, сунул блокнот обратно в портфель и достал вместо него синюю папку. «Быстрых Александр Моисеевич».

Завтра эту папку, естественно, дополнив нужными данными, вместе с папками Ильина и Делюкина он вручит главному по кадрам российско-германского СП «Вольшпрунг Инк». Немцы выиграли тендер на реконструкцию нескольких домов на Восстания и спешно набирают персонал. Конечно, Ильин, как главный инженер, будет пошустрее Быстрых, но Ильина Максимычу и так есть кому продать. Посему – было важно так скомпоновать содержимое папки, чтобы немцы клюнули именно на Быстрых, а не на Ильина или Делюкина. От Делюкина гансы через три месяца откажутся, и Максимычу придется в качестве компенсации подыскивать им инженера даром.

Справа проплыл мрачный мавзолей Инженерного замка, оцепленный голыми, будто ошипанными деревьями. Сторожа заверяют, что там и поныне бродит призрак убиенного императора. Какую только нежить не накамлают догматые тленники.

– Сергеев, передай своим, что эксперты на труп на Ильича задерживаются, – сказала Аникина, и Максимыч слегка насторожился. – Они колесо прокололи.

– Черти ленивые, – сердито отозвался Сергеев – очевидно, шофер из милицейского «жигуленка». – Мужики уже в снежных баб превратились.

– А я что могу сделать?..

Уже на подъезде к Дому офицеров шофер, не отводя глаз от дороги, позволил себе спросить:

– Максим Максимович, вам сейчас куда – на службу или на работу?

Максимыч быстренько прикинул задачи на сегодня и принял решение:

– Давай на работу.

«Волга» послушно свернула с Литейного и притормозила у служебного входа Дома офицеров.

– Аникина, – проснулся эфир, – проверили Московское шоссе, двадцать пять. Ложный вызов.

– Принято, – кратко откликнулась диспетчер.

Шофер не увидел заинтересованности в глазах выбирающегося из машины шефа и переключил приемник обратно на «Балтику».

– Она прошла как каравелла по зеленым волнам, – ожило радио голосом Меладзе. Или Леонидова? Максимыча это не очень-то волновало.

Максимыч отпустил упирающуюся дверь, пружина усердно скрипнула и вернула дверь на место. Хрясь!

– Пропуск, – на лязг двери сказал вахтер, но головы не поднял, а чуть погода вяло кивнул – дескать, проходи.

Разом стало душно. Максимыч привычно кивнул заключенному в пыльный стеклянный куб вахтеру, хотя тот так и не собрался поднять глаза от газеты, и по скользким ступеням затопал наверх. Скользкие ступени – это хорошо. Это значит – много посетителей.

Непонятно почему, но настроение было на нуле.

Лестничные пролеты широкие, ступени мраморные. Перила вытерты ладонями до маслянистой черноты. Третий этаж. Уже близко. Удрученный мученик в зимней шапке на глаза, чуть не задев плечом, проскочил мимо и яростно затараторил подошвами вниз по ступеням. Дружище, а кому сейчас легко?

Вот и родная контора, рекрутинговая фирма «РомЭкс». Дверь с помпезной медной табличкой открылась мягко и бесшумно – в отличие от входной – и с тихим, довольным вздохом захлопнулась за спиной Максимыча, пропустив того в недлинный, отделанный белыми пупырыстыми еврообоями коридор. В коридоре стоял неистребимый преловатый запах мокрой верхней одежды. Можно даже сказать – запах безработицы. С солидными заказчиками Максимыч предпочитал встречаться вне офиса.

Нет, не зря велел Максимыч зеркало здесь водрузить. Ну и видок! Нижняя пуговица на плаще оторвалась. Словно по малой нужде сходил и забыл застегнуться. Ладно, расстегнем и остальные, не так заметно будет. Кепчонка убогая, перед людьми стыдно. Надо бы сегодня в магазин завернуть, что-нибудь приличное на голову купить.

Морщины, мешки под глазами – с этим бороться поздно. Да уж, в возрасте Максимыча положено по ночам не шастать, консервы не жрать, а ковыряться на шести сотках с перерывами на здоровый сон четко по инструкции... тьфу! – по распорядку дня.

Пять человек отражалось в зеркале. Пять человек ждало приема. Двое сопели над листами бумаги, периодически поглядывая на вывешенную в рамочке шпаргалку «Как заполнять резюме». Единственная дама сидела, забившись в угол, и мыслями явно находилась далеко. В руке дама держала завернутую в блестящую фольгу надкушенную шоколадную плитку. Скулы меланхолично двигались. Лицо удовольствия не выражало. Даме было душно (Максимыч мельком посочувствовал), но наглухо застегнутое пальто распахнуть она себе не позволила. Возможно, не верила в неотразимость наряда под плащом. Еще двое водили пальцами по вывешенному на стенде перечню вакансий.

Тщательнейшим образом изучив одно за другим отражения посетителей, Максимыч убедился, что с этой стороны судьба ему каверз не приготовила. Тогда почему у него так нехорошо на душе?

Из своего кабинета с чашкой кофе в руке, что-то дожевывая, вышел Николай Викторыч. Максимыч лишь хлестнул нарушителя суровым взглядом, но при посетителях отчитывать не стал. После, после.

Струйка пота потекла за шиворот. Надо бы распорядиться купить и установить кондиционер. Чай, не нищенствуем. Дверная ручка показалась до блаженства холодной. Секретарша Зоенька – кудрявая пампушка о тридцати годах – подхватила с места:

– Здравствуйте, Максим Максимович. Петр Александрович уже ждет вас.

– Что новенького?

– Приходил один художник с необычным предложением. Образцы показывал. Хорошие, кстати, образцы. Предлагает альбом липовых рекомендательных писем сделать. Вроде как благодарности нам за подобранный персонал от кого захотим, вплоть до губернатора. Кстати, можно и от более важных персон. Даже от Лужкова. Но это дороже.

Пахнуло духами. Правильно прочитав небрежный жест шефа, секретарша умолкла.

Максимиш вошел в свой кабинет. Зацепил кепку за крючок вешалки. Стянул плащ и повесил рядом с плащом Пети. Чего это юношу в такую рань принесло? Хотя – какая рань? Полдевятого утра.

Рабочий стол добросовестно сохранил оставленный в пятницу беспорядок. Крошки от пиццы (позапозавчера засиделся допоздна, ужинал на работе) скукожившуюся дольку лимона в недопитом чае. На факсе красовалось приглашение на заседание Российского Кадрового клуба. Цена в конце меленькими буквами. Отодранный и смятый факс полетел в мусорную корзину.

Захлопнув крышку факса, Максимиш зачем-то выглянул в окно – оно выходило не на Литейный, а во внутренний двор. Потом включил автоответчик и в параллель магнитофон с последними записями переговоров патрульно-постовой службы.

– Максимиш, приветствую, – браво сказал автоответчик, – это Хомяк, по поводу «жезлов силы» в Вырице. Я только что с их мандрагоры. Шишаги обыкновенные, никакие не граальники и не чудилы. Так что беспокоиться не о чем. Приеду, доложу по форме. Все, пока.

Максимиш подступил к зеркалу. Еще раз рассмотрел усталое лицо. Дряблые, но, храни Господь, пока не обвисшие щеки. Безусловно, он вступил в возраст, когда на взгляд могут дать и пятьдесят, и семьдесят лет. Если не умеют узнавать настоящий срок по глазам.

– Найденев, проверь: Шотмана – девять, квартира триста шестнадцать, гулянка, жалоба от соседей... – захрипела магнитофонная запись и сама с собой зашпорила другим голосом: – Аллочка, я же сейчас у черта на куличках, пошли другого... Найденев, не надорвешься!.. Ладно, принял, товарищ Аникина... Не выпендривайся... Сама такая...

Максимиш поправил галстук.

– Здравствуйте, господин Храпунов, – с достоинством сказал автоответчик. – Агент «Флюгер», Самуил Яковлевич, на проводе. У меня есть свежие новости для вашего учреждения. Очень интригующие. Хотелось бы встретиться... Пи-пи! Добрый день, – напористо сказал автоответчик другим, женским голосом. – Вас-беспокоит-консультант-по-рекламе-газеты-"Деловая-неделя"-мы-уверены-что-вас-заинтересует-наше-предложение...

Максимиш одернул полы пиджака, но тот продолжал сидеть мешком. Максимиш мазнул расческой по коротко стриженным седидам – скорее из привычки, чем в надежде что-то причесать.

– Семенов, бдительные граждане стуканули, что на Витебском вокзале, возле валютника баки толкают не просто кидалы, а наш родной постовой мент. Совсем оборзел. Проверь-ка.

– Так там же рядом «убойники» торчат – пусть сами проверят.

– Семенов, не наглей, «убойники» своими делами занимаются...

Две кнопки «stop» были нажаты разом. Больше ничего автоответчик не записал. А остальной радиоэфирной болтовней патрульных Максимиш позавтракал по пути. Привычный дежурный взгляд на портрет. Лицо Циолковского выглядело совершенно равнодушным. Но все равно старый служака обошел кабинет по периметру. Почти невидимый волосок на полке между КЗОТом и «Основами маркетинга» торчит, как положено. Пыль на спичечном коробке в наличии. Тюбик с клеем недозавернут на два с половиной оборота – как и было. Откуда ж тогда это гнетущее настроение? Может, проглядел что-нибудь Циолковский?

В редкие минуты начальственного благоволения секретарша все норовит выпросить, почему именно Циолковский. Никогда ей, дурехе, не узнать.

Подойдя к утыканной булавками огромной, во всю стену карте города, хозяин кабинета выдернул булавку с красной головкой из заштрихованного квадрата «дом N 11» по Большому Казачьему переулку (бывш. переулок Ильича) и воткнул в «дом N 18» по Можайской улице: таков был сегодняшний код у потайной двери.

Карта бесшумно поползла вверх, открыв недлинный, скупое освещенный коридор на пять дверей – по две слева и справа и одна торцовая. Максимыч прислушался. Из-за ближайшей доносилось невнятное «бу-бу-бу». Он бесшумно приоткрыл дверь. Довольно просторное помещение без окон. Ничего лишнего, стол, а перед ним стул. Стены, да и потолок облицованы белым кафелем. Кафель ослепительно отражает холодный свет неоновых ламп, словно это не рядовая комнатка, затерянная в переплетении коридоров петербургского Дома Офицеров, а прозекторская.

Справа от стола дверь. С этой стороны – дверь, а с той – встроенный шкаф в кабинете начальника рекламного отдела «РомЭкс». У рекламного отдела свой кабинет, хотя на рекламу фирма тратится скупое: клиентов и без того хватает.

Но не это сейчас главное. За столом, лицом к Максимычу, сидел Петя. Торопливо чиркал одноразовой ручкой показания в протокол, так и не избавившись от детской привычки то и дело облизывать губы.

Зато от чего парню удалось избавиться, так это от того, чтобы вытягиваться по стойке «смирно», завидев начальника. Молодец, даже виду не подал, что узрел вошедшего. И то, что работает одноразовой ручкой – тоже похвально. Набирается опыта помаленьку. Есть такое мнение: будет из парня толк.

– Вообще-то я журналист, – глухо пробубнил «порченный», не догадываясь, что в помещении появился третий.

– Как фамилия, спрашиваю, – прибавил металлу в голосе Петя. Чуть-чуть переигрывая.

– Боборосов.

– Профессия?

– Ну, не то, чтобы журналист... Так, пописываю иногда для «Третьего глаза». Внештатно.

Голос допрашиваемого показался Максимычу смутно знакомым.

– Как вы очутились в чужой квартире? – На Пете был дорогой пиджак. Хороший пиджак, и сидит хорошо. И галстук фасонистый. Понятно, пока ни жены, ни детей – какие у парня расходы?

– Можно, я по порядку, – очень неуверенно предложил задержанный.

– По порядку предлагаешь? – пронзил Петя жертву, как думал он, «рентгеновским» взором. – Ну что ж, давай по порядку.

Задержанный придвинулся ближе, шмыгнул носом.

– Ну, короче, это, один знакомый мужик сказал, что там колдун настоящий живет. Вот я и полез сдуру...

Петя собрался тут же задать какой-то каверзный вопрос, но вспомнил, как Максимыч его наемни отчитывал: «Никогда не мешай подозреваемому выговориться», и промолчал.

– Подумал – это ж какую статью можно забабахать! Бомбу, а не статью, в смысле – для газеты. Вот. Ну, в общем, с крыши по веревке я спустился, окно открыто было. Кактусы, помню, какие-то на подоконнике, чуть вниз не екнул... – Задержанный опять шмыгнул носом. – В общем шуму наделал, конечно. Но все было тихо. Достал, это, фонарик, включил. Огрызок яблока на столе. Вот как сейчас вижу: тараканы от него во все стороны – шашь. – Шмыг-шмыг носом. – Чучело совы со шкафа зенками своими стеклянными на меня тараканится... Я эту сову, короче, сфоткал...

Петя вдохнул воздуха что-то спросить, да опять спохватился: нельзя.

А задержанный наклонил к Пете голову и даже руки положил на стол, увлеченный собственным рассказом.

– В общем, я к книжному шкафу, там всякие, это, Шолоховы с Гайдарами, для отвода глаз, значит. Вдруг мне по кедам что-то – шур-шур-шур... Я фонариком посветил и только заползающий под шкаф крысиный хвост поймать успел. Фу, гадость какая... Но я, значит, о крысах враз думать забыл, потому что увидел такое... Как сразу ласты не отбросил, не знаю, потому что... В общем, увидел я, как со всех сторон ко мне сползаются клопы. Сплошной массой. Полчища! Живой ковер!!!

Максим Максимович, стараясь не выдать присутствия нечаянным шорохом, нервно потер ладони. Кажется, он признал задержанного. Характерные «это», «значит», «в общем». Никакой не журналист сидел на стуле перед Петей, а форточник Витька Крюков по прозвищу Альпинист.

– А тут и чучело ожило, заухало, крыльями шлеп-шлеп... – И задержанный, показывая руками, как именно ожило чучело, в который раз шмыгнул носом. – Фонарик, в общем, я уронил. И луч евоный человека в кресле высветил. Хозяина квартиры. С плетью в руках. Ехидненько так, это, улыбается... Колдун! Скрипнул креслом, взмахнул плетью. Занавески колыхнулись. Меня озноб прошиб. Тонкая, невероятной прочности цепь, закаленная в крысином молоке и состоящая из живых, впившихся друг в друга муравьев, опутала меня по рукам и ногам. С едва слышным щелчком фонарик погас сам собой... Я, это, даже амулетом воспользоваться не успел. А ведь был у меня надежный амулет, гражданин следовательно, не вру я...

Дрожащей рукой задержанный достал из кармана небольшой предмет, с расстояния похожий на пробку от шампанского, и протянул Пете.

– Прекратить! – успел скомандовать Максимыч.

Петя успел отдернуть руку³. Задержанный успел обернуться на крик. В глазах – пустота.

Да, Максимыч угадал. Это действительно был Витька Альпинист собственной персоной. Только вот незадача: Альпинист погиб три года назад – сорвался с карниза двенадцатизатжки на Бухарестской. Без сомнений. Труп видела уйма людей, включая самого Максимыча.

Не меняя нелепую позу – рука с пробкой от «шампуськи» вытянута над столом, голова повернута к стоящему за спиной – разом посеревший Крюков окаменел и стал истуканом заваливаться на стол. Что самое ужасное – совершенно беззвучно. А лицо безучастное-безучастное. Будто у топорно сделанной куклы. Беззвучно отломилась в плече и отошла от туловища, как кабель-мачта от ракеты, рука, на которую гость опирался. Упала и скатилась со стола бумажным рулоном, из которого сеялась дорожка чего-то мелкого и сухого, будто перхоть.

Альпинист завалился. Несогнувшиеся ноги в какой-то момент нелепо задрались вверх. И вдруг Крюков стал оседать, опадать, крошиться.словно не человеческое тело разлагается, а песочная крепость.

Нет, не песочная крепость. Потому что и мельчайших песчинок не оставалось.словно не обыкновенный воздух разъедал заклятого мертвеца, а серная кислота.

Какие-то секунды – и никаких следов. Даже запаха. Ну и уж тем более никакого лже-амулета.

³ Один из способов подвергнуть человека магическому воздействию – вручить ему предмет, над которым прежде был совершен определенный ритуал

– Не протягивай руки, а то протянешь ноги, – подмигнул Максимыч чуть не наложившему в штаны, облизывающему губы помощнику. Хотя, признаться честно, сам перетрухнул. Слишком неожиданно и быстро все произошло.

– Что же это... Как же... – Петя взвился со стула; стул упал на спинку. – Это же был допрос только нулевой степени!

Максимыч за три шага оказался там, где полминуты назад сидел оживший мертвец, без лишней щепетильности вlepил подчиненному пощечину – мало ли, вдруг пареньку приспичит закатить истерику, – и проворно метнулся к неизменному портрету Циолковского на боковой стене. Единственному украшению помещения. Только тени по кафелю скользнули.

Здесь Циолковский сурово сдвигал брови, вроде как собирался нецензурно выругаться. Поздно, батенька, раньше надо было. Максимыч за раму как за дверную ручку дернул портрет на себя. Под портретом обнаружились кнопки сейфа.

– Какой сегодня код? – вопросом захлопнул рот подчиненному шеф. Ответ он и сам знал, но ведь педагогика – великая сила.

– Это, – Петя потянулся по-детски сунуть в зубы колпачок авторучки, – ну как его... «Пантакль Марса».

– «Понтакль» или «пантакль»?

– «Пон»... Нет, «пантакль».

– Вот так из-за тебя можно раньше срока в мученики отчислиться.

Пароль был набран. Пароль оказался правильным, и ручка сейфа, выполненная в виде чешуйчатой бронзовой саламандры, кусающей себя за хвост, не ожила и не впрыснула порцию мгновенно действующего яда в отстучавший код палец.

Петя и думать забыл, как бы этак вежливо спросить с командира перехваченные на прошлой неделе сто рублей. Потому что тяжелая огнеупорная дверца с замогильным скрипом отворилась. И из тесного склепика брякнулась под ноги на белый кафель человеческая рука. Мертво-черная... но живая. В первую секунду она больше всего напоминала выброшенную на берег шуку, верткую и готовую вцепиться зубами во что угодно, лишь бы мягкое, лишь бы из-под зубов брызнула кровь.

Черный, почти антрацитовый цвет кожи трудно было как-то оправдать. Будто отчлененную от тела руку некий безумный маляр покрыл непрозрачным черным лаком. А там, где проходила линия отреза, подсохшие струпья обшелушились, и можно было угледеть ветчино-красные прожилки мяса вокруг чуть желтоватой косточки.

С прытью белки черная рука шмыгнула туда, где и праха не осталось от Витьки Альпиниста, и закружила на месте, точно собака, берущая след. От противного звука, когда ногти скребли по кафелю, Петю пронимала дрожь, до тошноты кружилась голова...

– Оружие прихвати, живо! Крест на тебе?! – рявкнул Максимыч. И кинулся к двери. Не той, через которую появился в комнатке. – И прекрати колпачок грызть. Раздражает!

Неоновые зайчики заплесали в глазах помощника. Потные пальцы ног в ботинках инстинктивно поджались. Колпачок шариковой ручки оказался вдруг нестерпимо горьким.

Рука, отгарцевав на белом кафеле, взлетела по мешком сидящему костюму Максимыча и примостилась на плече. Помощник с грохотом дернул к себе ящик стола, от излишнего усердия по комнатке закружили исписанные бумажные листочки, и в руке помощника оказался старинный маузер – верное оружие чекистов.

– Вы мне не говорили, что в сейфе хранится! – с некоторым укором прохныкал Петя.

– Еще спроси: не у негра ли я ее оттяпал! – отрубил пыхтящий командир, и было неясно, шутит он, или всерьез.

А дверь уже была распахнута, и Максимыч уже был за дверью. Барахтался в чужих пальто. Петя неловко, на бегу принялся совать неуклюжий маузер в карман. Чуть не заце-

пился за упавший стул брючиной. Нательный крестик колотился под рубашкой, словно сердечко.

Чьи пальто маскировали тайный ход, для Пети осталось секретом, потому что в рекламном отделе никого не оказалось. Только светился монитор компьютера, да включенный на громкую автоответчик принимал агрессивное: «Добрый-день-вас-беспокоит-консультант-по-рекламе-газеты-»Деловая-неделя"...»

Никто из прочих сотрудников «РомЭкс» их не видел: отдел рекламы размещался особняком в другом крыле.

Потянулся пустой коридор, ломаный, ветвистый, как медь на микросхеме, выходящий к парадной, покрытой пыльной ковровой дорожкой лестнице Дома офицеров. Гремучей, словно литавры. Лестница широкая, как река Амазонка. Ковровая дорожка бурая, как вода в реке Амазонке. И никого. Рано еще. Только от топота бегущих пыль из дорожки летит.

– Надо было хоть плащи накинуть! – Петя вдруг заметил, что черная рука с плеча шефа испарилась. Нет, вон костюм на груди оттопыривается. Значит, спряталась под ткань, чтоб непосвященных смертных Кондратий не хватил.

Они выбежали наружу. И Литейный проспект окатил две горячие головы шумом и бензиновой гарью пролетающих мимо автомобилей. Петя попал ногой в подвернувшуюся лужу, рябую от ветра, и обдал кофейными брызгами тетку с набитой грязной морковью авоськой.

Отдуваясь, преследователи втиснулись в служебную «волгу», и рука снова перестала прятаться, снова оказалась на плече, антрацитовым указательным пальцем тыча, где искать того, кто прислал зачарованного гонца. Бах! Бах! – пистолетными выстрелами хлопнули дверцы. Шофер Саша на черную руку даже не покосился. «Волгу» приподняло, будто взрывной волной.

Нарушая все мыслимые правила, истошно подминая асфальт покрышками, «волга» развернулась под носом у двух «мерсов» и рогатого троллейбуса и, чудом целая-невредимая, вырулила на Кировную. Загундосила бибиалка одного из «мерсов». Дома закачались ваньками-встаньками, в зеркалах юлами закружили ржавые крыши и слепые окна.

– Поднажми, уйдет ведь! – сквозь громкое сопение указал Максимыч шоферу.

По трамвайным путям шофер обогнал не уступавший дорогу «форд». Тряхнуло. Еще раз крепко тряхнуло. В машине стало темнее. Жадно замельтешили дворники, размазывая грязь по лобовому стеклу.

– А если бы сейф открыл я? Она б меня слушалась? – кивнул Петя на черный оживший кусок плоти, который, на миг отвлечшись от прямых обязанностей, по-хулигански скрутил дулю промчавшейся мимо афише кинотеатра «Спартак». Сегодня там давали «Вий».

Дедушка с палочкой чуть не попал под колеса, странным образом на миг вернув мысль Пети к одолженному вчера начальником столынику. На шее водителя блеснули бисеринки пота.

– Чего захотел! – достаточно добродушно хмыкнул под нос Максимыч. Он уже перегорел. – Рука лишь тому верно служит, кто ее от остального тела освободил. А такого оболтуса, как ты, если будешь дразнить, и за голень цапнуть может.

– А чем ее кормить?

На самом деле Петя хорохорился. Не мог себе простить испуга, когда рука вываливалась из сейфа. Многое ему еще в диковинку в ИСАЯ. Иметь бы нервы как у сфинкса Саши...

– Все, Санек, – Максимыч не ответил на вопрос Пети, а повернулся к шоферу. – Тормози. Поворачивать смысла нет. Он в метро нырнул. Там след не взять.

Сидящий спереди командир чуть не бумкнулся лбом о «бардачок». Желтый свет светофора сменился на красный. По лужам и грязи к станции метро «Чернышевская» потекли задираемые ветром пешеходы.

– Ушел? – тяжело вздохнул Петя. На этот вопрос он ответа и не ждал. И так было ясно, что Черный Колдун, однорукий Передерий, ушел от погони.

По крайней мере, сегодня.

ФРАГМЕНТ 2 ГЕКСАГРАММА ЛИ «НАСТУПЛЕНИЕ» НАСТУПИШЬ НА ХВОСТ ТИГРА

Понедельник. Согласно тибетским астрологическим трактатам, в этот день душа человека сосредотачивается в голени. В этот день года вечером гадают на судьбу; ставят два зеркала: одно большое, другое поменьше, обращенные друг к другу лицевыми сторонами. Между зеркалами помещают две свечи и смотрят через верх меньшего зеркала. Становится виден длинный коридор, мало-помалу темнеющий в глубине, именно туда и следует смотреть. Через некоторое время во мраке начинают появляться символы, по которым и определяют будущее. Гадать следует в нежилом помещении или на чердаке, с непокрытой головой и без пояса.

Это был самый ветхий стул в редакции, с откровенно вытертой до ниток, некогда красной обивкой. На этот стул обычно сажали посетителей, спешащих поведать миру о привидении, ворующем пенсию; об очередной телепатограмме от эфирных братьев с Сириуса; или о назначенном на следующую среду Конце Света.

На этот стул-инвалид, не постелив газетку, и забрался ногами Толик, только что ворвавшийся в кабинет с выпученными глазами и азартно распахнутым ртом. Не почтительно «Анатолий Петрович», не демократично «Анатолий» и не современно «Толян», а именно «Толик» – за глаза и в глаза. Последний раз Толика в редакции таким возбужденным лицезрели, когда гастролирующий прорицатель то ли с Тибета, то ли из-под Воронежа принял толстяка по простоте провинциальной за редактора и пригласил отобедать в ресторан «Швабский домик».

Стул заходил ходуном, но больше ничего интересного не случилось. Потный Толик в облаке пыли спустился на грязный (такие уж погоды на дворе) линолеум, держа в далеко вытянутых руках доисторическую пишущую машинку, упакованную в паутину. Редакционный шкаф, лишившись не выбрасываемого на всякий случай атрибута, вдруг показался куцым. Наташа углядела в дрожащей стеклянной створке шкафа свое дражайшее отражение и, кажется, осталась довольна.

Коль не получилось со стулом, Дима попытался убить Толика взглядом. Тоже не вышло. Наташенька, отталкиваясь туфельками, брезгливо отъехала от стола в офисном кресле на скрипучих колесиках, потому что Толик не придумал ничего разумнее, чем водрузить пыльный реликт ей под нос. Очень красивый, стоит отметить, нос. Прямой. Его можно было бы назвать греческим... Но Наташенька являлась классической блондинкой, и слово «греческий» с ее обликом вязалось не очень.

Дима был зол, его бесцеремонно прервали. Он как раз собирался не без намека поведать секретарше историю о подбивающем к ней клинья белом маге. Члене Ассоциации Белых Магов и хозяине курсов по овладению магическими навыками за две недели. Дима позвонил, представился очень занятым бизнесменом и спросил, нельзя ли пройти курс ускоренно – за день. Ему на полном серьезе сказали, что легко, только он должен собрать группу себе подобных.

– Не дышите! – словно археолог над черепом Тамерлана, склонился Толик над пишущим монстром и сквозь паутину осторожно ткнул пальцем в клавишу "Я". Ничего не получилось, потому что без питания электрические машинки обычно бастуют.

Диме вспомнилось где-то прочитанное: через день после того, как археологи вскрыли могилу Тамерлана, началась Великая Отечественная⁴. Киев бомбили, и объявили... А ведь старожилы предупреждали – не надо ковыряться в кургане, хуже будет. Редактор обязательно переименовал бы название на «Проклятие из глубины веков», какой бы чудесный заголовок к статейке на эту тему Дима ни изобрел бы.

Дима был страшно зол на шалапуту Толика, ввалившегося в кабинет именно тогда, когда Дима выискивал предлог этак небрежно кликнуть Наташу потусоваться сегодня вечером в некоей компании прибабахнутых спиритов, искренне вызывающих духов посредством блюдечка, а потом на полном серьезе обсуждающих, почему ничего не аукнулось и не откликнулось. Естественно, после болтологии предполагалось распитие алкогольных напитков. А потом – чем черт не шутит...

По радио принялись многозначительно передавать курсы валют. Наташа красиво и плавно потянулась к ручке, убавила громкость. Курс доллара после августа воспринимался как траурный марш.

– Эй, черный следопыт, на фига тебе этот гроб? – не слишком тая раздражение, с ленцой спросил Дима.

За окном ветер гонял через лужи украденные на Апраксином рынке обрывки оберточной бумаги.

– Угадай, – самодовольно ухмыльнулся Толик и принялся взглядом искать розетку. Его волосы вились медной стружкой, а лицо было красное, хотя и не загорелое. Но поскольку ни Дима, ни Наташа отгадывать не спешили, а Толика распирала гордость первооткрывателя, то он, даже не выдержав положенной драматической паузы, раскрыл карты. – Помнишь, мы заговоры публиковали? Так вот: одна старуха позвонила, говорит, что наши заговоры соседа не берут.

– Это которые я изобретал? – оживился Дима. Сама собой не сдержалась, наплыла лукавая улыбка.

– Ну. Так я ей сказал, что у меня хранятся оригиналы других заговоров – тех, которыми Джомолунгма Брежнева на ноги ставила. Подлинные. – Розетка оказалась за Наташиным плечиком. И еще на пути к розетке преградой стоял Дима.

– Сколько запросил?

– Пятьсот рублей за все.

Наташу такой поворот разговора не заинтересовал. Сумма не грела. Наташа сделала страшные глаза на замысел Толика протянуть рядом с ней грязный шнур к розетке. Следует уточнить: очень красивые глаза. С поволокой. Обворожительные.

– Джуна, – на автомате поправил Дима, – И она купилась? – в Димином вопросе отчетливо прозвучала нотка зависти. Кто бы мог подумать, что Толик способен проявить смекалку.

– Ну... Боюсь, продешевил... Короче, не могу же я заговоры тридцатилетней давности на компьютере набирать! Тогда и компьютеров-то не было. Поможешь сочинить? Деньги пополам. – Мимо ухоженной Наташи тянуть пыльный шнур к розетке Толик после некото-

⁴ Внезапно умерший во время очередного похода, Тимур Тамерлан был похоронен в своем родном городе Самарканде. Гробницу тирана в Мавзолее Гур-Эмир охраняло давнее поверье: потревоживший прах Тимура вызовет кровавую войну. Но в советские времена в Гур-Эмир была направлена экспедиция под руководством известного антрополога и археолога Герасимова, которая должна была обследовать Мавзолей внука Тимура, знаменитого астронома Улугбека. Под шумок надеялись осмотреть и гробницу Тамерлана. 16 июня 1941 года центральные газеты сообщили об окончании подготовительных работ. 20-го июня «Правда» писала, что с гробницы снята последняя мраморная плита. 21-го обмерили саркофаг и вскрыли сам гроб, обтянутый полуистлевшей парчой. Обнаруженный скелет безусловно принадлежал Тимуру – одна нога была короче другой (последствия тяжелого ранения)...

рого колебания не рискнул. Вот бы хорошо, если бы секретарь отправилась в буфет выпить кофе. Но без Димы. Дима был Толику нужен.

– Тогда, вроде, и электрических машинок было – раз, два и обчелся, только механические. А лучше бы – чернилами от руки. На пожелтевшей бумаге. Если сочинять, то мне две трети. – Дима снова говорил с ленцой.

В ответ на деловое предложение Толик подчеркнуто громко захохотал. Наташа, заскучав, побарабанила холеными пальчиками по столу. Дима знал, что Толику некуда деться. Плохой уродился сочинитель из Толика. Пользуясь паузой, Наташа щелкнула пудреницей и полюбовалась на свое отражение в зеркальце. Впереди девушку ожидало несколько важных дел. Во-первых, отказать Диме, когда он решится пригласить ее куда-то там, потому что он герой не ее романа, и лучше они останутся друзьями. Во-вторых, конец рабочего дня в восемнадцать ноль-ноль. В-третьих...

– Две трети от пятисот получается бесконечная дробь, – подумав, возразил Толик, мучительно пытающийся отгадать, почему это Дима нынче такой несговорчивый.

– Лучше бы ты сказал, что у тебя припрятаны неопубликованные дневники Гурджиева. Круче бы слупили. Впрочем, сев на елку, по Деду Морозу не плачут. Округлим в большую сторону, – надменно пожал плечами Дима. Деньги его интересовали постольку-поскольку. Поскольку могли оказаться в его кармане.

– А вдруг она бы спросила имя-отчество этого... Буржуева?

– Редактору настучу, – пригрозила Наташа. Все-таки ей было обидно, что она выпала из разговора. Она относилась к девушкам, не привыкшим оставаться без внимания.

Зазвонил телефон. На АОНе нарисовался номер, и Наташа, брезгливо косясь на пыльную пишущую машинку, вернулась к секретарским обязанностям.

– Редакция газеты «Третий глаз», добрый день... Да... Ну, что вы... Увы, нет... Нет, спасибо, кольца, даже старинные, нас не интересуют. Мы не ювелирный магазин... Девушка, если вы продавать не собираетесь, то зачем вообще звоните?.. Написать о нем?.. Нет, боюсь, наших читателей это не заинтересует. Вообще-то, деньги нужны всем, не только вам... – Красивая белая рука Наташи карандашиком машинально чиркала на бумаге циферки с АОНа. – Девушка, поймите меня правильно: если бы вы собирались сообщить общественности про заговор сатанистов, или как у вас полтергейст налоговую инспекцию испугал, или, еще лучше, про лягушек-мутантов размером с собаку, типа они в канализации поселились... Дослушайте меня и не обижайтесь. То, что ваша семейная реликвия в темноте светится, никому не интересно... – Наташа отняла трубку от милого розового ушка и с грустью сообщила Диме и Толику: – Трубку бросила. Все-таки обиделась.

– Мне двести, тебе триста, талант должен быть голодным, – предложил Толик Диме. – А про лягушек в канализации мы две недели назад писали. – Говорил он торопливо, словно боясь, что его не выслушают до конца.

– Вчера тоже одна звонила, у нее старинные часы шли сто лет и вдруг остановились, – зачем-то поделилась первая девушка редакции.

Конечно, Дима предпочел бы, как в поговорке, миллион и королеву, но сегодня, видимо, был не лучший день и следовало довольствоваться предложенной суммой и потенциальной Наташей. Наташа правильно прочитала Димин взгляд и равнодушно сложила губки в тонкую линию. Предельно аппетитные, следует подметить, губки. За ней ухлестывали и сам редактор, и один мальчик с Валютной Биржи, и один широко известный белый маг, и помощник депутата, жаль, скоро новые выборы...

– Дмитрий, вот вы где, негодник! – В кабинет вплыла дородная дама, гремя рядами бус, как елка, – вокруг которой пляшут взрослые подвыпившие дяди, – стеклянными шарами. Полные губы поджатыми уголками должны были объяснить журналисту, что неприлично

заставлять даму его искать. Отягощенный двумя перстнями короткий палец с облезлым маникюром нацелился Диме в грудь.

В закрываемую дверь проскользнул обрывок коридорного разговора:

– А обещали Конец Света!

– Обещанного три года ждут!

– Галина Алексеевна, мы же с вами на четыре договорились, – скорчил недовольную гримасу попавшийся Дима. Эквилибрист пера и ас слоганов, он нагло позволял себе обходиться с заказчиком на равных. Ведь в конечном счете от его гения зависело, что произойдет с целительницей в следующем номере «Третьего глаза». Вступит ли она в неравную схватку с сектой сатанистов и вызовет из их лап заблудшую многодетную мать; подскажет ли многодетной семье, где в огороде дедушка перед кончиной зарыл акции мясокомбината «Самсон»; спасет ли талантливую пятилетнюю девочку-пианистку от неизлечимой хворобы – младшенькую в многодетной семье.

– Дмитрий, народная медицина ждать не может, – кокетливо родила сквознячок ресницами дама. И этот сквознячок должен был означать, что делу время, а секретаршам – час. Пусть и таким смазливый. Хотя, если присмотреться, ничего особенного.

– Куда?! – возмущенным окриком пришила Наташенька к месту намылившегося ускользнуть Толика. – Ты это барахло мне на добрую память оставил? – Она правильно поняла ухмылочку дамы: у женщин свои секреты. Но враждовать с рекламодателями себе дороже.

– Народная медицина в прошлый раз «рыженькую» поленилась доплатить, – недвусмысленно напомнил Дима и отчужденно отвернулся к окну. Взгляд Димы невольно выпепил встречный взгляд из здания напротив. Старый вахтер дожидался, когда редакционные девушки, оставшись одни, начнут переодеваться.

– Я действительно лучше от руки, на желтой бумаге, – вяло махнул ладошкой Толик – дескать, оставьте меня в покое. И забормотал, чтоб не забыть: – Буржуев, Буржуев, Буржуев... – поправлять его не стали – бесполезно. Славился Толик в редакции талантом перевиравать фамилии, даты и заголовки. Наивысшим спортивным достижением верстальщика был «День святого Огурея» вместо «Андрея». Молодая корректорша по робости исправлять не рискнула. Потом читатели долго донимали редакцию письмами с наказами поведать о загадочном празднике поподробней и растолковать, можно ли в этот день не поститься.

– Верни ее на место! – Наташа всерьез испугалась, что машинка так на ее столе и останется.

– Дык она ж тяжеленная! – бросил через плечо и искренне развел руки Толик. Ему хотелось уйти просто и достойно. Слушать препирательства журналиста и клиента ему не хотелось. Потому что «рыженькая» его не касалась. Вот если бы Галина Алексеевна обратилась лично к Толику, например с просьбой сделать ее помоложе на предназначенной для публикации фотографии, или добавить что-то такое демоническое во взгляде...

– Кто старое помянет, тому глаз вон, – Галина Алексеевна постаралась выдохнуть поговорку как можно обольстительнее. Сто рублей для нее были не деньги, но и с не деньгами она не привыкла легко расставаться.

– Никто не забыт, и ничто не забыто, – Дима хитро улыбнулся Галине Алексеевне.

Кровь прилила Наташе к щекам, от чего блондинка стала еще краше. И каждое ее слово наполнилось весом:

– А я вот забуду в ведомость по зарплате твою фамилию включить... Ну-ка, живо!

– Давайте будем считать, что я вам их должна, – предложила народная целительница, покидая центр кабинета, чтобы пропустить Толика к пишущей машинке.

– Ну и язва ты, Наташка! – проворчал верстальщик, в рывке принимая груз на вытянутые руки.

– Бог в помощь, – ангельски улыбнулась секретарша. Как умела улыбаться только она. Раскрывшаяся дверь впустила свежую порцию коридорного диалога:

– А где народ?

– Народ в биополе.

Следующий посетитель кабинета – жилистая старуха с шустрыми глазенками, проявив живой интерес, посмотрела сначала на ходящий ходуном стул, потом на водружающего машинку на шкаф Толика. Прикинула в уме, безопасно ли будет сейчас пройти мимо шкафа и предпочла сначала позволить завершить процесс водружения.

Стул выдержал и второе посягательство. А когда обиженный тем, что его заставили работать, Толик громко хлопнул дверью, бормоча, чтоб не забыть: «Дружинин, Дружинин, Дружинин...», чутких ушей старухи достигла Димина фраза:

– Я еще сильнее зауважаю народную медицину, если БЕЗ ФОКУСОВ получу причитающееся мне...

– Димка, черт шербатый, – весело окликнула старушка корреспондента, не дав тому закончить речь. – Садись про меня байку мозговать, хватит лоботрясничать!

– Здравсте, Тома Георгиевна!

Обнаружив конкурента, целительница Галина Алексеевна (творческий псевдоним: баба Галя.) приняла боевую стойку: ее могучая грудь поднялась, как главные калибры линкора. Бусы строгими дугами залегли параллельно горизонту. Первый рубеж обороны, второй рубеж, третий... И предприняла разведку боем:

– Очередь надо соблюдать! Дмитрий, призываю вас в свидетели! – в свидетели чего, баба Галя не уточнила, бусы гневно вздымались и опускались.

Дима в столь экстремальной ситуации с удовольствием бы сделал ноги. Он бы даже предпочел сейчас находиться на совещании у шефа и муторно обсуждать Вечный Вопрос – концепцию развития газеты. Но кто ж ему позволит? За окном облака подобно цветочным тлям ползали по небу, и их крылышки невсерьез заслоняли солнце.

В веселых глазках старушечки, по профессии – хорарного астролога, мелькнул сабельный блеск. Начала она елейно:

– Ой, не признала, богатой будете. Подумала, что это ваша старшая сестра, – а далее пальнула от двух бортов в лузу напалмом. – Димка, не мое дело, но чего ты нашел в этой чувырле? И еще, зачем ты этой шлендре накарлякал, будто она по пуговице от рубашки анонимно алкашей заговаривает? Мало того, что нынче мужики поголовно пьяные, так теперь поголовно еще и расхристанные, без пуговиц босякуют. – Сухонькие кулачки воинственно уперлись в бока.

Галина Алексеевна повторила маневр: сначала поприветствовала, как умела, соперницу:

– С такими внешними данными куда лучше «Люди добри, помогите...» исполнять, – и обратилась к корреспонденту. – Дмитрий, может, вам и безразлично, что вашему астрологу статьи еще и Михаил Огородников кропает, но зачем вы придумали, будто ваша сомнительная знакомая... – ох, с какой убийственной интонацией было подчеркнуто «знакомая» – ...обещает клиентам защиту Великого Эгрегора?! Она ведь ни ухом, ни рылом, что сие такое! Она до сих пор думает, что аркан – это такая петля, ишаков ловить!

Дима молчал, сцепив зубы, хотя услышать, что Тома Георгиевна изменяет ему с Огородниковым, было действительно обидно. Дима залег на нейтральной полосе и по-страусиному утопил голову в песок, потому что обе представительницы нетрадиционных наук регулярно покупали одинаковую площадь по сто двадцать восемь квадратных сантиметров. И заполнял эти сантиметры мистическими панегириками он. За что infernalки приплачивали поверх законных гонораров. Наташенька зевнула, аккуратно прикрыв холеной ладошкой

ротик. Что-то ее белый маг не звонит. Впрочем, не верила она, будто он может сорваться с поводка.

– Ах ты, футы-нуты! Заниматься хорарной астрологией все же лучше, чем мандалотерапией! – в некотором смысле старушка была права. – Я с каждого пациента стригу не меньше сотки баков! Клиент на пиджаках и мобильниках, солидный, штучный. Отечественными хрустальными шарами таких гостей не укатаешь! – и от подаренных кабинету децибел на стене зашаталась эзотерическая живопись. Все работы кисти редакционного художника, искренне рерихнутого.

– А вот остракизма не надо! На генетику тоже гонения были. Инквизиция кострами не выжгла, и вам слабо!!! – Галина Алексеевна тоже была права. Пусть с каждой прихожанки за снятие порчи много не снимешь, сидеть на опте выгоднее, чем на рознице.

На противоположной стене – где не было эзотерической живописи, а висел календарь, не на 1998 год от Рождества Христова, а 7506-й от Сотворения Мира – тоже зашелестело.

– Эй, там, не вопите тут! – сквозь дверь донеслось из коридора, но было оставлено без внимания. И еще на шум в кабинет проник невзрачный гражданин с характерным блеском в очках. Лицо покрывала паутина морщин из-за навсегда распахнутого в улыбке рта. В руках гость сжимал перьевую ручку и расплзающийся блокнотик. Впрочем, явление поклонника тоже осталось без внимания столкнувшихся стихий.

– Шарлатанка!

– Мракобеска!

Глаза поклонника заискрились совсем уж лучезарно, он признал кумиров по публикуемому в газете фото.

– А я за такое непечатное слово щас тебя, молодка, разложу, юбку задеру, и всыплю по первое число! – Тома Георгиевна действительно могла исполнить обещанное, несмотря на преклонные лета.

Неожиданно поклонник громко и надтреснуто расхохотался. Ему понравилась перепалка. И уж теперь его заметили все.

– А я...А я... – и вдруг у целительницы голос перехватило, полные сочные губы пошли зигзагом и... И брызнули слезы. Такого позора народная медицина не вынесла и мимо победительницы, гремя бусами, как кандалами, зажимая всхлипы носовым платком с вышивкой крестиком, шарахнулась в коридор. Поклонника унесло водоворотом. Не корысти ради, а автографа для.

Хорарный астролог растеряно глянула на Диму и поделилась в оправдание:

– Ничего личного. Это только бизнес. – И пошла за соперницей. То ли утешать, то ли добивать.

Дима посмотрел на захлопнувшуюся дверь, потом на равнодушно полирующую ногти Наташу. И метнулся за клиентками. Мирить.

Наташа очень обворожительно, жаль – никто не видел, – подмигнула отражению в дверном стекле шкафа. Пусть припарковала целительницу и не она. Сняла двумя пальчиками телефонную трубку и по памяти набрала номер. С той стороны откликнулись почти сразу – через полтора гудка.

– Станислав Витальевич? – на всякий случай подстраховалась девушка, в уголках рта неожиданно обнаружились злые складки. – Запишите пожалуйста номерок. Может, сгодится. Старинное колечко, светится в темноте. – Наташа нашла невзначай выведенные карандашиком цифры и продиктовала.

– Спасибо, Наташенька. За мной, как обычно, не пропадет, – сказали на том конце телефонного провода и положили трубку.

Аппарат был самый заурядный, из советского прошлого. Да еще перевитый изолентой, чтоб не распадался на составляющие. Чиркнув фломастером на полях старой газеты подска-

занный номерок, Стас с подобающим равнодушием положил телефонную трубку на рычаги. Еще не хватало, чтобы клиент заметил, что у Стаса неказистый аппарат. Перед клиентом форс надо держать.

Когда Стас норовил что-то продать, ему не удавалось усидеть на месте. В идеале следовало вышагивать из угла в угол, размахивать руками, принимать картинные позы. Тогда и речь лилась плавно-плавно, завораживая жертву.

– Я бы все таки хотел обратить ваше внимание, – непринужденно продолжил Стас прерванную беседу, – на эту безделицу. – Стас придвинул к гостю поближе отполированный возрастом деревянный футляр и открыл крышку. – Вещица восемнадцатого века. Янтарь. Внутри оклеена пунцовым бархатом. Замочек и ключик медные. Я уж не говорю о том, что эта штучка, возможно, некогда являлась частью интерьера Янтарной комнаты. Той самой Янтарной комнаты... – многозначительная пауза была коньком Стаса.

Тяжелые шторы скупо, аптекарскими порциями, пропускали внешний день. И несмотря на то, что под потолком пузырилась жирным электрическим фейерверком люстра с матовыми подвесками, освещения как бы не хватало. И все равно по углам кабинета приплясывали распатланные кособокие тени. Ну, родной, смелее, мысленно уговаривал Стас потенциального клиента. Что ж ты, баклажан с бородой, робеешь? Ты носом поведи, на зуб, что ли, попробуй. Иначе как же мне тебя, лоха залетного, напарить?

В футляре покоилась шкатулка. Вроде бы янтарная, цвета успешного остыть и превратиться в лед свежесваренного чая; с прожилками, похожими на утонувший в луже опавший кленовый лист. Вроде бы доподлинный осьмнадцатый век. Стас не посчитал нужным уточнять, что это современная копия.

– А отчего это футляр изнутри тряпкой оклеен? – едва не зевнув, спросил развалившийся в кресле для гостей визитер.

– Это, сударь мой, не, как вы изволили выразиться, «тряпка». Это так называемая «турецкая» бумага, – с показной любовью провел двумя пальчиками по товару Стас. И поскольку больше вопросов не последовало, закрыл футляр и отодвинул назад к телефону.

Внутри у Стаса все кипело. Он был готов разорвать на мелкие кусочки заявившегося с визитом болвана. Полчаса Стас разливается соловьем, а проку никакого. Хоть бы разок блеснул в глазах гостя азартный сполох. Вообще-то принимать покупателей Стас предпочитал вне дома. Но этот объявился сам, как снег на голову, правда, с рекомендациями общего знакомого.

– Переходим к следующему экспонату, – заставил себя дружелюбно улыбнуться Стас и, выдвинув очень тугой ящик стола, положил перед гостем ножны с кортиком. Потом не удержался, наклонившись вперед, наполовину вытянул кортик из ножен и снова положил. Попад в сантиметр дневного света, лезвие пронзительно блеснуло. На лезвии обнаружилась сложная гравировка: листики, веточки, травка.

Гость равнодушно сопел.

– Маршальский кортик. Работа златоустовского мастера Берсенева. Сталь, гравировка, синение, травление, золочение. Понятно, не антиквариат, но художественная ценность несомненна. – Стас ждал, что гость хотя бы возьмет кортик в руки. Какому мужику не захочется поиграть с оружием? Но увы.

Гость и к златоустовской диковине остался равнодушен.

– Может, я вам наскучил? – начал терять терпение Стас и, выпятив грудь, с вызовом заложил руки за спину.

Гость посмотрел в глаза Стасу:

– Нормально. Давай дальше. Показывай, что у тебя еще. – Глаза сонные, усищи не шевельнулись. Не человек, а сом со дна Ладожского озера. Такого не удочкой, такого глубинной бомбой надо.

Стас как можно равнодушной пожал плечами, отслюнявил гостю еще одну улыбку. Взял кортик и, с силой вернув в ножны, положил в стол. Тоже мне Илья Муромец, думал хозяин квартиры, будет сиднем сидеть тридцать лет и три года. Чем бы его таким пронять? Может, табакеркой с императорским вензелем? Вряд ли, большие люди любят крупные предметы.

– Может, вас интересуют старинные самовары? – рука Стаса указала на закрепленную по стене вдоль потолка полку из не облагороженных досок, на которой выстроилось в ряд несколько траченных пылью, как грязным снегом, пузатых и стройных, жестяных и медных созданий, словно гигантские шахматные фигуры в предбоевом порядке. – Это, – палец небрежно представил металлический, отсвечивающий мыльно-розовым чайник, – Сбитенник второй половины восемнадцатого века из Нижегородской губернии. Медь, красно-коричневая патинировка. Сбитенники предшествовали самовару. – Стас посмотрел, произвело ли сказанное какое-либо впечатление на гостя. Слушает, и то хорошо. – Далее мы можем видеть, – Стас заметил, что сбил на манеру третьеразрядного экскурсовода, но что-либо менять не стал. Было бы ради кого. – Выполненный из никелированной меди дорожный самовар-куб. Такие самовары делали на протяжении всего девятнадцатого века. Но это так, ширпотреб. А вот следующий экземпляр действительно достоин внимания: желтая медь, приблизительно 1870-й год. Самовар в виде петуха, украшенный орнаментом в подражание резьбе по дереву... – кажется, экскурсовод увлекся.

– Хватит. – Оборвал плавную речь частного торговца антиквариатом гость и встал. Был он никак не меньше двух метров росту при соответствующем телосложении. Этакой дылде для грабежа никакое оружие не требуется, одними пудовыми кулаками сладит. Впрочем, и Стас умел постоять за себя – профессиональный навык. Не зря он не задвинул ящик стола с кортиком.

– Хорошие у тебя штучки-дрючки. Только мне их не надо, – веско сказал гость. – И картины у тебя красивые, – зевнул гость, и где-то далеко за усами и бородой мелькнули желтые зубы. – Но мне они тоже до лампочки. – Гость с непонятной грустью обвел глазами стены кабинета.

Стас терпеливо ждал. Должна же у визита быть цель. От дальней стены по кабинету поплыл утробный гул: ворчание разбуженного зверя. Визитер не шелохнулся на звук, только широко раздулись ноздри и глаза стали еще колючей. А от стены, где зверь проснулся окончательно, покатилося глухое и дребезжащее: Бум! Бум! Бум!.. И так шесть раз через равные промежутки времени. А затем на старом лаковом корпусе с замогильным скрипом открылась дверца, из нее вынырнула облупленная механическая кукушка и уныло икнула положенное число раз.

– Вот, – сказал гость, припечатав левой рукой к плоскости стола поверх газеты мятую бумажку. – То, что мне нужно. – И нехотя убрал пятерню, словно даже одна бумажка ценилась им неимоверно, а уж за то, что на бумажке нарисовано, и голову отдаст. Кажется, именно бой часов подтолкнул его под руку.

Стас ждал, что еще посчитает нужным сказать гость. Однако визитер только сверлил торговца глазами. Дескать, и так ясно. Взгляд гостя приятностью не отличался, до мурашек неуютно становилось под таким взглядом.

Тогда Стас потянул бумажку по столу к себе. На бумажке не ахти как было изображено твердым карандашным грифелем что-то похожее на подкову – закорючки, покрывавшие нарисованный предмет, старославянскую вязь напоминали очень отдаленно.

– О, у вас чудесный вкус, надеюсь, и доходы соответствующие. Ну? – приправив нехитрой лестью разглядывание рисунка, потребовал объяснений Стас. – Это гривна?

– Гривна, – кивнул гость, потянул рисунок обратно, словно никак не мог решиться расстаться, и бережно левой рукой стал разглаживать бумажку.

- Да вы садитесь, – сказал Стас, чтобы не молчать.
- Это память о прадеде, – в голосе гостя неожиданно прозвучала теплая нота.
- Ну и кто у нас был прадед?
- Столбовой дворянин.
- А фамилия? – ответы приходилось вытягивать, как занозы.
- Зачем тебе фамилия? Ты мне эту штуку сыщи. Не обижу.

Стас зашагал по кабинету, отфутболил с пути ногой под стол заношенные кроссовки, бухнулся в кресло и взъерошил волосы:

– Большевики не церемонились. Могли переплавить, могли в Америку на хлеб сменять, или на «форды», чтобы своих стриженных комиссарш с шиком катать. Такая вещь не один год поисков требует. – Кажется, у него получилась плохая пародия на «Двенадцать стульев». Оставалось надеяться, что визитер причапал без внушительного культурного багажа. Тут некстати Стас заметил, что на грязный, как медвежья шерсть, паркет из покоящейся рядом с сидюшником пожарной каски свисает бежевая бретелька лифчика. Каска обычно использовалась вместо ведерка со льдом для шампанского.

– Она не при большевиках пропала, – хмуро шевельнул бровями гость. – А в ОПРИЧНИНУ.

Стас хлопнул себя по коленям и рассмеялся. По настоящему.

– Это же нереально!!!

– Кабы реально, без тебя бы справился, – хмуро отвечал гость и тяжело опустился в кресло. – В Питере она должна храниться, негде больше.

– И браться не буду! – отгоняя соблазн, затряс головой хозяин кабинета. Любопытно, кто же лифчик посеял: Даша или Ангелина?

– Ты на меня работаешь с той минуты, как открыл дверь. И я тебе плачу. С той минуты. Любые деньги. – Это прозвучало, как истина в последней инстанции. Прописная истина из уст таинственного незнакомца двухметрового роста.

Стас откинулся на спинку кресла, очень он не любил словосочетание «любые деньги». Когда клиент так говорит, значит, рассчитывает отделаться парой сотен баксов и бутылкой дрянного коньяка.

– Я – столбовой дворянин... – угрюмо повторил гость.

– Я не уверен...

– ...При Советах сидел как мышь на буровой за тридевять земель от ближайшего дома культуры...

– Кстати, об оплате...

– ...А сейчас выбился в люди. У меня десять процентов акций... очень известной нефтяной кампании, – гость машинально продолжал поглаживать левой рукой бумажку с рисунком.

– Рекомендовавший вас...

– Прадед деду заказывал: сыщи эту гривну. Дед не успел, отец не успел. Я должен ее найти, хотя так и остался простым дремучим нефтяником...

Стас отвлекся – принялся разглядывать ногти. Если бы он собирал автографы самозванцев, в его коллекции наличествовали бы подписи двух незаконнорожденных детей Раймонда Паулса, долговая расписка внука Колчака, поздравительная открытка от дальнего потомка то ли адмирала Нельсона, то ли Нельсона Манделлы и еще ворох подобных факсимиле. Очень кстати сейчас бы кто-нибудь позвонил и подарил предлог остановить сказителя. На стол рядом с руинами телефона шлепнулась толстая перетянутая банковской ленточкой благородно-зеленая пачка долларов. Никак не меньше пяти тысяч сотенными. И еще Стас отметил, что гость бросил пачку левой рукой. Наверное, левша.

И только тут до Стаса дошло, что беседа наконец стала конкретной. Очень конкретной. Конкретной до жжения в затылке. Он даже почувствовал, как пахнут эти доллары: от них струился терпкий маслянистый дух.

Первый порыв был – выпрыгнуть из кресла. Но в соответствии с первым порывом поступают только мальчишки. Стас вышел из ненадежного возраста лет десять назад, поэтому ему хватило хладнокровия даже не оторвать спину от спинки.

Оказывается, не сом заплыл в его территориальные воды, а чудо-юдо Рыба Кит.

Стас вяло придвинул к себе коллекцию Франклинов и меланхолично шкрябнул верхнего президента пальцем по носу. Бумага на ощупь была правильная, шероховатая точь в точь. Если это были фальшивые баксы, то, как минимум, не принтером деланные.

– Прошу прощения, – из кресла поднялся совсем другой Стас, не лебезящий приказчик и не экскурсовод не от мира сего, а деловой и собранный молодой человек. Подбородок волевой, пусть слегка и оплывший, взгляд сердечный, пусть чуть-чуть жуликоватый, нос гантелей, но это ничего не значит. Пачку долларов молодой человек крепко держал в руке и сдирал банковскую упаковку без всякого трепета, а сам шарил глазами вокруг да около.

Что понравилось, так это реакция гостя. Он не стал во все зенки пялиться на руки Стаса: попробует умыкнуть или не попробует тот пару купюр из стопки. Уже хорошо. Не марамой. И с чувством собственного достоинства. Или с осознанием своей силы.

Наконец Стас приметил то, что искал. Детектор валют – наверное спьяну укутанный в фанатовский бело-синий шарф «Зенит» – каким-то образом занесло под этажерку с крохотными мейсенскими фарфоровыми фигурками: пастушки и пастухи. За детектором обнаружилось обросшее пыльной бородой первое издание «Петербурга» Андрея Белого (Так вот куда оно делось!) и видеокассета неприличного содержания.

И книга, и детектор переключались на стол, потеснив прочее барахло. Стас совершал необходимые манипуляции, а сам продолжал краем глаза следить за гостем. Ну, не может быть, чтобы доллары были подлинными. Ну, кто, скажите на милость, в наше время сам, по доброй воле пожелает платить вперед? Скорее уж бабки – добротная фальшивка. Через пару часов гость вернется с дюжими друзьями, дескать, гони зеленку назад, я передумал. И почто, милый друг, ты мне паленые грины возвращаешь? Я тебе настоящие давал, ничего не знаю. Значит, будешь должен. Со счетчиком это получится...

Все степени защиты оказались на месте. И на верхней купюре, и на купюре из середины пачки. Стас даже испытал некоторое разочарование:

– Итак, я вас слушаю. – Стас загнал себя обратно в кресло. Закинул ногу на ногу. Сама любезность.

– Я уже сказал главное. Нужно найти гривну, – снова едва не зевнул странный гость, возвращаясь к стилю «остывший вулкан». – Ты будешь искать, пока не найдешь, – опередил зреющий вопрос Стаса странный гость. – Пять штук на расходы. А это, – в левой руке странного визитера неведомо откуда возникла крупная белая монета. – Задаток...

Монета покатила по столу и упала бы, не поймай ее Стас.

– Ну я пошел. Не провожай, – с усилием поднялся гость из кресла, опираясь почему-то только левой рукой, хотя удобнее было бы двумя. Кресло облегченно скрипнуло. – Искать меня тоже не надо. Сам тебя найду. – Гость уже выходил из кабинета. И каждый шаг отражался дрожанием матовых подвесок на люстре.

И все таки Стас проследовал за гостем в прихожую, успел испугаться, что визитер нечаянно заденет и обрушит лупоглазое чучело белки, на мордашке которой таксидермист так и не смог выправить пилообразный оскал смерти, и сам разобрался с замками. Не любил, когда к ним прикасаются чужие руки. А когда дверь за гостем захлопнулась, Стас почему-то облегченно вздохнул. С уходом гостя в квартире ощутимо стало больше места и, как будто,

светлее. Стас разжал ладонь. На пересечении линий судьбы покоился серебряный доллар. Не старинный, но старый: тысяча девятьсот двадцать второго года.

– Стр-р-ранный задаток, – произнес вслух Стас и постоял так некоторое время: с долларом на разжатой ладони. Глазами встретился с отражениями в высоком трюмо довоенной работы. Бурый паркет за спиной штриховал содержание полуовальных рам. Из-за трюмо выглядывала поленица свернутых в скатки кумачовых вымпелов и флагов. Этот товар завис у Стаса намертво.

Затем сунул доллар в карман домашних фланелевых брюк, пропутешествовал на кухню и уже открыл холодильник, и уже потянулся за банкой контрабандного «Хольстена». Но нет. Пнув дверь холодильника, Стас вернулся в кабинет, сгреб разбегавшуюся стопку сто-долларовых купюр и ссыпал в конверт виниловой пластинки группы «Браво». А пластинку засунул между двойником «Реки и мосты» «Машины времени» и «Как тревожен этот путь» Пугачевой. На первое время такой тайник сгодится.

Место вертушки в доме давно занял лазерник, но у Стаса, как почитателя любой старины, рука не поднималась снести добрый заслуженный и некогда запиленный до писка винил в мусоропровод. И около трехсот дисков спокойно муржило между тумбами стола.

Тут Стасу вспомнилась холодная гримаса гостя, и он снова отправился через прихожую на кухню за холодным пивом. В прихожей книжные полки высились до самого потолка. Пониже – беллетристика, справочники типа «Как увести чужую жену», или «Шанкара и индийская философия», повыше альбомы типа «Кустодиев», «Рубенс», или «Картины фламандских мастеров». На полпути Стас остановился, переставил стремянку и с самого верха извлек пухлый, неловкий, весом не менее трех килограммов, каталог Краузе за девяносто пятый год. Купил когда-то по случаю, хотя на нумизматику не западал: работал с более солидным антиквариатом.

Листать каталог, балансируя на стремянке, оказалось нелегкой задачей. Пришлось слезть. Зашуршали тонкие папиросные страницы. Раздел «United States» размещался по алфавиту, почти в самом конце. С первого захода Стас раздел пролистнул и оказался в «Vatican Citi». Большая часть римских пап с аверсов и реверсов фотокопий монет воротила от Стаса морды, то есть монеты хранили их профили.

Стас отлистал страницы назад: двухцентовики прошлого века, серебряные трехцентовики, никелевые трехцентовики... Стас уселся в прихожей прямо на относительно чистое пятно на полу, чтобы было удобнее... Никелевые пятицентовики времен войны Севера и Юга. Пятицентовики с изображением бизона, четвертаки, полдоллара с орлом, скорее похожим на лебедя. Полдоллара с портретом Кеннеди. Начался раздел серебряных долларов. Стас принялся листать медленнее и наконец нашел.

Вынул полученную монету и сличил. На аверсе портрет Джорджа Моргана, на реверсе – орел с распростертыми крылами. Но... Но последние доллары с таким рисунком авторитет Краузе датировал двадцать первым годом. А в двадцать втором Монетный Двор Америки уже во всю штамповал на аверсе голову Свободы и умиротворенного орла со сложенными крыльями на реверсе.

Если принимать происходящее за чистую монету, в руках Стаса оказался раритет. Пробная монета, или монета, не пущенная в обращение и случайно избежавшая переплавки. Такая монета могла стоить и пять тысяч бакинских, и все сто. Но Стас больше испугался открытия, чем обрадовался. Вот тебе, тятя, и потухший вулкан.

В сидячем положении вдруг оказались заметны притаившиеся под стеллажами предметы: патрон губной помады, початая упаковка аглицких презервативов «Джекил и Хайд», простенький «серебряный» портсигар и бронзовый подсвечник. Оставив раскрытый каталог на полу в прихожей, Стас прошаркал к столу и тупо уставился на мятый рисунок гривны.

Повертел листок так и эдак. И уже было снова надумал добраться до холодильника с пивом, как в голову пришла новая идея.

И мороз по коже побежал. И захотелось закурить, хотя бросил Стас это глупое дело с год назад.

Была – не была. Из-за стекла серванта Стас выудил совершенно новенькую «Практическую магию» Папюса – книгу для романтически настроенных домохозяек. Прежде чем возложить ее на стол, расчистил место: передвинул на самый край Андрея Белого и футляр с янтарной шкатулкой.

Вынув златоустовский кортик из ножен, кольнул острием средний палец. На пальце налилась алая бусинка крови. Кортик являлся единственной подлинной вещью в квартире. Остальное, включая дореволюционные издания классиков: копии, новodelы, или банальные подделки. Серьезных вещей Стас дома не держал. Научен.

Зажмурившись, Стас стряхнул капельку на обложку Папюса. А когда открыл глаза, перед ним лежала никакая не «Практическая магия» в зеленом коленкоровом переплете, издание девяносто седьмого, второй дополнительный тираж, издательство «Ять». Перед ним лежал затянутый в свиную кожу древний фолиант.

Название стерлось, а может, его и не было. Углы объедены мышами.

И на триста шестьдесят пятой странице этого фолианта Стас нашел изображение, которое найти боялся. Заказанная гривна здесь была нарисована гораздо тщательней, почти с фотографической точностью.

Попал, ой, попал Стас. Очень непростую гривну ему заказали сыскать. И коль Стас принял задаток серебром, это значило, что отныне не будет ему покоя, пока не вручит из рук в руки заказчику искомое. Это значило, что отныне Стас замороженный, и сам себе не принадлежит.

ФРАГМЕНТ 3 ГЕКСАГРАММА ЦЯНЬ «ТВОРЧЕСТВО» ВОЗГОРДИВШИЙСЯ ДРАКОН

Вторник. День постный. Апогей луны. Приливные силы Луны могут провоцировать головные боли, психические срывы, обострить сахарный диабет и астму. Неблагополучный день для Тельцов, Раков и Скорпионов. Для умиротворения начальства в этот день рекомендуется иметь в одежде какую-нибудь желтую деталь. Если в этот день чешется правая ладонь – к прибыли, левая – к убытку.

Кола осталась только на доньшке картонного стакана. И это с учетом нелюбви Максимыча к туземному напитку. Вокруг завтракал гамбургерами средний класс. Юные, вышколенные администратором до шаг вправо, шаг влево – уволен, барышни желали каждому посетителю «Приятного аппетита». За огромными, в полный рост, окнами-витринами боролись с ветром нечастые прохожие, нет-нет, да и неприязненно зыркающие на сидящих в тепле. Ничего не поделаешь – Родина.

Максимыч уже собирался плюнуть и уйти из «Макдональдса» – сколько можно щупать глазами коленки соплюшек? Стар он для такого бесперспективного занятия. Но в самый последний момент засек в дверях (естественно, сидел лицом ко входу) знакомое «кхе-кхе». Самуил Яковлевич издали углядел Максимыча из-за спины какого-то толстяка и тут же напялил угодливую улыбку. Еще б рукой честь отдал, конспиратор... дешевый.

– Здравствуйте, господин Храпунов, – протолкавшись сквозь входящих и выходящих, изобразил поклоном почтение агент чуть погодя. Из подшефных только он и обращался к Максимычу по фамилии. Карман песочного плаща оттопыривал пестрый, свернутый в трубу журнал, вроде из тех, что валяются в холлах бизнес-центров: бери – не хоч.

– Садись уж, Флюгер, – кивнул Максимыч на свободный стул из красного пластика, прекрасно понимая, что взывать к соображениям конспирации бессмысленно. Никогда не заставить Флюгера потратиться в «Макдональдсе» даже на самый тощенький пакетик жареной картошки. Скорее удавится. С другой стороны, народу вокруг в достатке. Не очень-то двое беседующих трепаных мужиков будут бросаться в глаза.

– Причины, побудившие меня... – высокопарно начал Самуил Яковлевич, недоверчиво помещая зад в объятия красной пластмассы. В спинке стула зияли аккуратные вертикальные пустоты. Очень удобно, если ткнуть сквозь спинку в спину шилом. Тем более, что на красном кровь заметят далеко не сразу.

– Не выпендривайся, – вздохнул самую малость тяжелее чем нужно Максимыч. Окинул «пациента» цепким взглядом из-под седых бровей. Самуил выглядел более-менее. Видимо, дела шли относительно неплохо. Правда, костюмчик под плащиком – на три пуговицы, в полоску. Человек с достатком такой уже не примерит.

– Кхе-кхе. Так я и говорю, – как ни в чем не бывало продолжил Самуил Яковлевич – очень невероятные вещи в городе творятся. Обратился неделю назад ко мне один солидный клиент. Я раньше кое-какие его поручения выполнял, так он всегда платил исправно. – Самуил Яковлевич глянул в глаза Максимычу, но ничего в них не отгадав, после многозначительной паузы продолжил. – В данный момент мой клиент обеспечивает предвыборную кампанию одному очень перспективному кандидату. – Самуил Яковлевич снова замолчал. На этот раз пауза была взята для того, чтобы Максимыч успел про себя отметить, что агент

Флюгер якшается только с «солидными» и «перспективными» гражданами, что не какое-нибудь хухры-мухры агент Флюгер.

Однако в глазах Максимыча восторг не проявился.

– Кхе-кхе. Мой клиент, как бы это сформулировать, – лицо Самуила Яковлевича выразило сложную мину (понимаю, мол, что прием мошеннический, но честному человеку в этом мире не прожить) – мой клиент нашел возможность просматривать телевыступления конкурентов своего кандидата до запуска в эфир.

– Это не по моему ведомству, – засопел Максимыч, наблюдая, как официантка усердно протирает тряпкой стол, а Самуил «полирует» официантку взглядом. – Это обыкновенная уголовка.

– В уголовке осведомителям меньше платят, – снова намекнул на гонорар живчиком вертящий головой, будто здесь у него назначена еще одна встреча, Самуил Яковлевич. – Но дело, собственно, в другом. Ко мне обращается солидный клиент, в сущности, с пустяковой просьбой: подыскать приличного колдуна – не «мистичкового», не шарлатана. И срок вполне достаточный – три дня. И я со своими связями, со своей безукоризненной, наконец, репутацией в inferнальном мире заказ выполнить не смог. – Финал доклада агент явно скомкал. Очевидно, потому что уже начал корить себя за слова про уголовку. Ведь знал, что стучать и туда, и в ИСАЯ, Максимыч не позволит ни под каким соусом. И шепнет где надо про некоторые делишки агента Флюгера. И – пиши пропало.

– Самуил, – криво улыбнулся Максимыч, – за что ты хочешь содрать с меня деньги? За то, что облажался перед заказчиком? Или за то, что нет у тебя надежных источников информации, и ничего-то ты толком о колдовских силах не знаешь?

Место рядом с ними намерилась занять молодая пара. Самуил яростно замахал на них рукой, и здесь Максимыч оказался с ним солидарен. Тем более, что девчонка выдалась на редкость приятная глазу, и хотелось хоть как-то досадить ее кавалеру.

– Свободно?

– Занято! – отрубили трепанные мужики одновременно.

– Кхе-кхе. Вы неправильно меня поняли, – тщательно процедив каждое слово, пока несмелая молодая пара отступает, Самуил Яковлевич заерзал на жестком, чтоб клиенты не засиживались, стуле. Стал похож на растрепанного в драке воробья. – Конечно, заказ я выполнил. Договорился с известным, даже очень известным магом. Вы и сами его знаете: маг Петров. Только, как вам и самому ведомо, господин Петров (послал же Господь фамилию человеку) к настоящей магии имеет такое же отношение, как поц к Торе.

Максимыч тоже отметил, что Самуил сожалеет об упоминании уголовки. Значит, дополнительно страшить агента не следует. Лучше вообще умолчать, пусть помучается: правильно ли понят намек, или командир ИСАЯ сделал совершенно другие выводы. Максимыч в один глоток добил плещущуюся на дне картонного стаканчика колу.

– Если коротко, Самуил, то шиш ты у меня денег за такую информацию получишь. – Максимыч уже не смотрел на стукача. Шарил глазами по ослепленному зайчиками электрических лампочек залу. Кто из посетителей входит, кто уходит, кто пришел сюда сразу после Флюгера? Так, на всякий случай.

– Помилуйте, господин Храпунов, – закусил обиду своей губой гражданин Самуил Яковлевич Берладский, наткнулся на полное равнодушие во взоре Максимыча и заканючил: – Кхе-кхе. Хоть такси оплатите, мне к гостинице «Москва» в десять поспеть нужно. – Рука агента нашарила пучок зубочисток в приборе и отправила в карман.

– Если «поспеть», то не «в десять», а «к десяти». Выпендриваешься, а русского языка не знаешь. Ладно, пошли, подброшу на своей служебной, – поднялся с места Максимыч. Как-никак стукачей нужно холить и лелеять.

Самуил Яковлевич заторопился следом. И если само собой получалось, что Максимычу, несмотря на неказистый вид, встречные дорогу уступали, то гражданину Берладскому приходилось уворачиваться от столкновений. Следом за ними никто не бросился. По крайней мере сразу.

Снаружи вдоль по проспекту пронизывающе дул ветер. Под ногами плямкала слякоть. У станции метро «Василеостровская», как обычно, толпился народ, мечтающий протиснуться внутрь. Шеренгой стояли бабушки с сигаретами на продажу.

«Волга» Максимыча припарковалась из пресловутой конспирации в квартале от «Макдональдса». И уши мерзляка Самуила Яковлевича успели покраснеть.

– Позови меня с собой, – упрасивала голосом Апиной радиостанция «Балтика». А может, это была какая другая певица. Максимыч молча кивнул на приемник, и шофер Саша тут же вырубил звук.

– В офис, – скомандовал Максимыч, захлопнув дверцу.

– У вас тут не иначе как ладаном пахнет, – устраиваясь на заднем сиденье, заявил гражданин Берладский и довольно запрыгал на мягком, будто впервые очутился в легковой машине.

– А ты хотел, чтоб мацой?

Самуил Яковлевич обиженно заткнулся, что и требовалось. Пропустив не торопящийся трамвай, «Волга» развернулась и пошла отсчитывать линии Васильевского острова в обратном порядке. Нерадивые пешеходы то и дело перебежали дорогу.

– Самуил, – окликнул пассажира Максимыч, когда «Волга» свернула с проспекта, – я что-то не понимаю. Твой депутат белых или черных магов заказывал?

Агент Флюгер оживился:

– В том-то и дело, уважаемый господин Храпунов. В том-то и дело, что любых. Работа пустяшная. Чуть-чуть пошептать над рекламными роликами конкурентов. Обсакралить, так сказать, до обратного результата. – Флюгер попытался в зеркальце поймать интерес молчаливого шофера, приглашая в собеседники: дескать, во жизнь пошла, вот в каком дерьме приходится отискивать копейку на пропитание. Однако внимание шофера безучастно ускользнуло.

– И ты так-таки и не смог никого подписать?

– В том-то и дело, – кивнул гражданин Берладский.

Даже мысленно Максимыч не мог наречь его иначе как «гражданином». Выехали на набережную. Въехали на мост. От одного вида плещущейся вороненой невиской воды холод пробирал до косточек. Два фонаря за мостом почему-то оказались не выключенными и светились фиолетово-молочными бельмами.

– Самуил, – после паузы, как бы между прочим, поинтересовался Максимыч, – а ты Силантию звонил?

– Звонил, уважаемый господин Храпунов, – тяжело вздохнул агент Флюгер, – и Силантию звонил. И Соломону звонил. И еще двадцати весьма почтенным господам звонил.

Опять помолчали. За спиной остались омываемый черно-синей волной стадион и новая станция метро.

– А слышал, – вроде как меняя тему, кивнул Максимыч на проносящуюся по правую руку Петропавловскую крепость, – в Петропавловке свой домовый живет, Меншикова помнит.

Сначала Самуил подумал, что Максимыч обращается к шоферу, потом понял, что к нему, и заискивающе хихикнул:

– Кхе-кхе. Горазды вы, господин Храпунов, прошу прощения, байки травить. Подобные сказки вы своим внукам, дай Господь бог им здоровьица, рассказывайте.

Максимыч искренне засмеялся:

– Ну пошутил про домового, ладно. Ты скажи, почему отказал Силантий?

– Не было Силантия дома. Супруга доложила, что и не предвидится. Взял отпуск и на дачу уехал. И чтоб больше не беспокоили.

Машина подпрыгнула на трамвайных рельсах и замерла на светофоре.

– Не понял, – Максимыч сдвинул кепку на затылок и почесал лоб. – Какая дача в конце октября? Ты мне еще скажи, будто «шекель» это сокращенно «шоколад»!

– Я тоже сначала подумал – чудит Силантий. А потом позвонил Соломону... – желание поделиться странными новостями было сильнее, чем желание обидеться на подначку.

– И что Соломон? – Максимыч качнулся на сиденье, когда «Волга» тронулась дальше.

– Отбыл на историческую родину. Шамбала – Шамбала – Шамбалалайка.

– С концами?

– Не знаю, – нехотя честно признался агент Флюгер. – И тогда я начал звонить всем подряд.

– Ну?... Санек, пропусти-ка этот бежевый «москвичок». Что-то он мне не нравится.

Бежевый «москвич», довольный собой, разгоня лужи, умчался вперед. Ничего подозрительного.

– Кто в командировке, кто в отпуске, где просто не берут трубку. На двадцатом номере я сказал себе: «Хватит», – грустно отчитался агент.

– Врешь, Самуил, где ж ты в Питере двадцать приличных колдунов насчитал?

Самуил Яковлевич понял, что попал впросак. Зеркальце, отражающее его физиономию, создавало впечатление, будто Самуил, отвернувшись на секундочку, откусил огромный шмат колбасы. Проглотить не получается, а жевать – совестно. Но стоило агенту открыть рот, впечатление пропало:

– Виноват, – легко согласился он. – Преувеличил. На...один, два... седьмом.

– А Передерию звонил? – стараясь, чтобы вопрос, ради которого, собственно, и затевался разговор, прозвучал как можно равнодушнее, поинтересовался Максимыч, меланхолично глядя в окно на осыпавшиеся кусты сирени и раскисшие грядки клумб Марсового поля.

– Вы смеетесь над бедным евреем, – печально и, главное, без запинки отвечал агент Флюгер. – Кто такой я, и кто такой Передерий? Откуда мне, простому смертному, знать телефон Черного Колдуна?

– Действительно, – не стал без толку напрягать агента Максимыч. – Только вот что я тебе скажу, а ты послушай. Нынче мне Черный Колдун ох как нужен. Плачу за любую информацию об этой гидре.

– Вы прямо как красный комиссар из кино заговорили.

– Заговоришь тут, – только и сказал Максимыч и заметил, что его пальцы сжаты в кулаки. Нервишки, значит, пошаливают.

– Кхе-кхе, – вжав голову в плечи, решился Самуил Яковлевич. – Я извиняюсь, но ходят слухи, что вы, я извиняюсь, уважаемый господин Храпунов, случайно встретились с Передерием в метро. Правда ли, что в результате поединка вы столкнули Передерия под поезд и ему отрезало ногу? – голос Самуила Яковлевича был необычайно тонок и робок. Само почтение и полная готовность отречься от своего вопроса.

– Брехня, – фыркнул Максимыч.

– Ну и слава Господу, – сладко улыбнулся Самуил Яковлевич и верноподданно наметил пальцами в воздухе православный крест, не очень идущий ему к лицу. – Хотя, с другой стороны, тело у Черного Колдуна – проклятое. И нога отрезанная, случись такое, тут же вашу сторону приняла бы. Наверное, и самого Передерия выследить помогла бы.

– А ты неплохо подкован в колдовских делах, как я погляжу, – все хмурился чему-то своему Максимыч.

– Эх, кабы платили больше... – воздел очи к небу, вернее к обшивке салона, Самуил Яковлевич.

– А ногу... – загадочно сказал Максимыч, – ногу он Дьяволу отдал за крошку от философского камня. Камня познания.

Машина вывернула на Литейный. Громада Дома офицеров наехала на лобовое стекло. Максимыч вроде как не удержался и вроде как добродушно засмеялся:

– Ладно, до встречи! Будет что, звони. Санек, – это уже относилось к бессловесному шоферу, – Подбрось философа до гостиницы «Москва» и сразу обратно. – Неловко, задом вперед выбирающийся из машины командир зафиксировал обнажившееся под задранной штаниной Соломона полотно кальсон – бережет здоровье агент.

За спиной Максимыча тут же включилось радио «Балтика» – Он уехал прочь на ночной электричке... – пела вроде бы Алена Апина.

На лестнице Максимычу никто из подчиненных (подчиненных в рамках мирской профессии) не встретился, и это было кстати, поскольку на обычный служебный церемониал не имелось никакого желания. Откуда в обсаграленный мир просочилась информация о стычке Максимыча с Передерием?

Угрюмо отмерив шагами несколько колен коридора, Максимыч толкнул дверь рекламного отдела своей фирмы. Его ждали. Все, кому положено – кому положено по уровню «Пятница, 13-е». Остальные сотрудники ИСАЯ имели право появляться на площадке «Литейный» только по сигналам «Хеллоуин» или, не приведи Господи, «Армагеддон».

Петя, закинув ногу на ногу, сидел на стуле возле встроенного шкафа с верхней одеждой и пририсовывал будденовские усы гремлинку с обложки пулып-ужастика. Увидев Максимыча, сел прямо. Книжку отложил – типа чужая. Павел Капустин, оттеснив кактус, занимал подоконник. Кактусу не повезло вдвойне, потому что пепел с беломорины стряхивался в его горшок. Илья – по совместительству начальник рекламного отдела – сидел за компьютером и с остервенением, гораздо злее чем обычно, отстреливал монстров, отключив звук.

– Максимыч, – он вырубил игру, острый нос нацелился на вошедшего. – Когда ты уже себе нормальную кепку купишь?

– А я тебе сколько раз говорил, сотри стрелялки из компьютера. В фирме не осталось ни одного сотрудника, который мне на тебя бы не настучал. Дисциплину разлагаешь, – в меру грозно приструнил начальник бойца и положил кепку на стол. Получившему за человеческие слабости прозвище «Хомяк» Павлу тоже досталось: – А ты какого лешего «Беломор» садишь? – ворчание как раз было обычное, чтобы верные бойцы хоть чуть-чуть расслабились. Максимыч прошел к встроенному шкафу и доверил тому плащ без одной пуговицы. Подергал дверцы на себя, от себя. Нет, вроде не скрипят.

– Да я что? – пожал плечами Павел и ловко зашвырнул окурок в форточку. Но не обмануть нюх начальника. За показной бесшабашностью беспокойство. Как на ладони.

– Петруша, – кивнул Максимыч младшему. – Кофе сообрази. И не будем мешкать, начнем с тебя.

Паша и Илья переглянулись понимающе. Значит, впереди муторное и тягучее, как песня чукчи, совещание. Горькую пилюлю командир отложил на десерт. Петя отодвинул стул, воткнул в низко прилепившуюся розетку кофейник и стал, не разгибаясь, выставлять из тумбы на стол одну за другой четыре чашки, банку «Нескафе», картонный громко шуршащий пакет сахара, ложки. Стажер уже полчаса выстраивал фразу с просьбой вернуть перехваченную неделю назад «на денек» сторублевку. И не смог эту фразу озвучить. Застеснялся:

– Ну, короче, мне соседка приснилась, – сказал он в нутро тумбы, откуда почему-то пахло морскими водорослями. Молодой тоже робко надеялся, что сегодня обычный ритуал будет опущен. Ан, вышло по другому.

– Сколько лет? – оживившись, завопил на подоконнике Капустин. Его простоватая, бугристая и мятая, словно герой усердно гробит печень и ночует в разных комнатах общежития ткацкой фабрики «Возрождение», физиономия расплылась с подозрительно масляным интересом.

– Семнадцать, – не поднимая головы, глухо отвечал Петя.

– Шеф, дай закурить, раз такое дело, – широко улыбнулся Павел Капустин и в полном соответствии с агентурной кличкой «Хомяк» достал из кармана горсть семечек.

– Обойдешься, – Максимыч сел на освободившийся после Пети стул. – Что-нибудь подозрительное?

Петя отрицательно покачал головой, не показывая лица, только уши стали пунцовыми. Одет он был в очень хороший шерстяной костюм. А вот ботиночки не соответствовали. Не заработал пока на ботиночки.

– Где? Когда? Детали! – упорствовал Максимыч, нестати ему вспомнились коленки девочек из «Макдональдса».

– У меня в квартире, на диване. Мама дома не было.

– А куда делась мама? – пришла в голову Максимычу какая-то коварная мысль, хотя он уже чувствовал, догадывался, здесь подсказку у Судьбы не выведать. Ах, как сейчас пригодилась бы Максимычу такая подсказка!

– Да как-то...неважно. Это было во сне. Отсутствовала, и ладно. – Петя нечаянно рассыпал ложку сахара на пол.

– Соседка что-нибудь говорила? Может, сопротивлялась? – поинтересовался Капустин с надеждой и стряхнул шелуху от семечки в горшок с кактусом.

– Нет, – виновато ответили пунцовые уши.

– А наяву у тебя с ней было? – подал голос Илья, склонив голову, словно примериваясь клюнуть острым носом. Глаза прищуренные, будто крот на солнце.

– Нет, – еще виноватей ответили пунцовые уши.

– На нет и суда нет. Обыкновенный сон здорового молодого человека. Без всякой мистики, к сожалению, – Максимыч решил больше не пытаться юношу. – Теперь, Паша, твоя очередь. А ты, Петруша, толкуй. Заодно проверим, как самоподготовка ведется.

Паша задумчиво заскреб затылок. Сплюнул прилипшую к губе шелушинку:

– Особенного ничего не снилось.

– Ты, валяй, исповедуйся. А мы уж сами решим, – подхлестнул Илья, оставив надежду переломить сценарий шефа. Стал играть в «раньше сядем, раньше выйдем».

– Дача мне моя снилась. Яблони в цвету, благодать...

– И все?

– Почему все? Еще тюльпаны, хотя тюльпаны мы на даче не выращиваем. Я большой букет нарвал. – При показном ухарстве был Паша мягчайшим человеком. Конечно, если дело не касалось работы. И жена у него умница. А то, что Паша воровато оглядывался, даже когда выбрасывал в урну пустую пачку из-под папирос, так это порой даже было на руку. Помогало внедриться в граальную среду.

Петя зашевелился, набрал воздуха...

– Если не присочинил, – откомментировал Максимыч, – это к похвале. Видать, сниму с тебя строгаж. А дальше? – Максимыч поморщился: не он – Петя должен был толмачить Пашин сон. Ладно – дал понять взглядом – больше поперек стажера в пекло лезть не будет.

– Воробьи громко чирикали. А потом косяк гусей пролетел.

Максимыч в который раз за утро недовольно поморщился, но смолчал, пристально свербя глазом Петю. Тот прокашлялся, как на экзамене. Начал робко, но к концу фразы голос обрел силу:

– Опять ничего конкретного. Обыкновенная метеорология. Гуси – к снегопаду. Гуси курлыкали?

– Нет, как воды в рот набрали. А вот воробьи надрывались, чуть не лопались.

– Везучий. Если б курлыкали ... А воробьям можно. Это они к бабьим разговорам, – успел вставить Петя и получил одобрителный кивок шефа.

– Видно, будешь по левой наводке старушек у подъезда опрашивать. Ну, а у тебя что? – повернулся Максимыч к Илье.

– Да тоже ерунда какая-то. В карты всю ночь резался, – не рассусоливая, доложил начальник отдела рекламы.

– До полуночи снилось или ближе к утру? – Максимыч кивком поблагодарил Петю за протянутую чашку кофе.

– Тебе сколько сахара? – отвлек Петя отвечающего.

– Две ложки. Спасибо. Всю ночь снилось. Напролет.

– Много выиграл? – поинтересовался соратник с подоконника: – Или продулся?

– Так мы не на деньги играли, – принял чашку от Пети Ильи, всем видом показывая, что ничего подозрительного в своем сне не видит, и пора переходить к следующему вопросу.

– На что и с кем? – оживился теперь командир, словно специально оттягивая главный разговор.

– С тобой, шеф, на щелбаны, – нехотя признался подчиненный.

Максимыч с досады ударил рукой по руке.

– Карты – к дальним путям-дорожкам, – посчитал нужным пояснить Петя. Опасаясь, что опять перебьют, повысил на полтона голос.

– Хочу заметить, уважаемые господа оперативные работнички, сны у вас – ни к черту. Ни одной зацепочки, хоть бы какой намек. Серьезней дрыхнуть надо, а не без задних ног. Может, галлюциноген заставить вас жрать перед сном в приказном порядке? – пробурчал командир.

– Не кипятись, шеф, – ссыпая недоеденные семечки в карман, откликнулся с подоконника Паша и взял чашку. – Что ты сразу за галлюциноген хватаешься, как за маузер. Сам знаешь, вкалываем день-деньской без продыху. Я вот не пойму, еще летом было хорошо, если хоть одно дело в неделю случится. А сейчас нечисть точно как с цепи сорвалась, а приглядеться – пустышку за пустышкой тянем.

– Такой длинный вымахал, а не знаешь, что лето – пора отпусков, – подначил приятеля Илья.

– Не, я серьезно.

– А если серьезно, – взял контроль в руки Максимыч. – Прекратите языки чесать! Переходим к докладам, – прихлебнул горячий напиток. – Начинай, Хомячок.

Павел привычно почесал рыжий затылок, отставил кофе к кактусу:

– Прибыл, значит, в Вырицу первой электричкой. Покрутился на вокзале. Потом отправился искать контору. Нашел.

– Без проблем?

– Никаких проблем. Думаю, прикинулся б заказчиком, мне б какой-нибудь дешевый спектакль устроили. Пригнали б какого-нибудь профессора кислых щей, и он начал бы втирать, что все непросто, что еще фараоны «жезлы силы» под мышкой вместо градусника носили. Но я не лыком шит, зашел с заднего хода.

– С заднего прохода? – коварно переспросил Илья.

– Отлынь, смертный, – кисло улыбнулся Паша и продолжил: – Проследил от склада мандрагорного до цеха, где эти железки ваяют. Выпил с работягами для налаживания контакта. Хорошие работяги, серьезные граверы. Платят им за гравировку по совести. Только

даже узор на жезлах они без астралов в голове фантазируют. Так что, официально докладывая: имеем налицо обыкновенное шишагство. Пустой номер.

– И то ладно. Одним делом меньше, – осторожно высказал свое мнение Илья. Свитер домашней вязки сидел на опере мешком.

Максими́ч на мнение никак не отреагировал. Он гадал, что, может, и зря повел совещание привычным фарватером. Может, следовало не томить ребят. Сказать все сразу.

– Теперь моя очередь, – с чашкой кофе в руке выбрался из-за стола начальник рекламного отдела. – У меня в двух словах не получится, но попытаюсь управиться. В общем, вытянул я дупль «пусто-пусто». При тщательном анализе «Туманности Андромеды» выяснилось, что большинство «подозрительных» тезисов великий писатель современности черпал из четвертой книги сериала «Агни-Йога» Елены Ивановны Рерих. Так что подозрения в чудиловстве с Ивана-свет-Ефремова отпадают. С Гоголем и того проще. Докладывать? – чуть сероватые, глубоко запавшие глаза Ильи не выражали ничего кроме вопроса: «Когда, наконец, мы перейдем к настоящему делу?».

– Докладывай, – поморщился в чашку на недопитый кофе Максими́ч, вроде как обжегся, хотя не обжегся ни капельки.

– В детстве ему маменька – очень набожная была особа – доходчиво и образно накинорила про Страшный Суд. А в очередной возрастной кризис воспоминание всплыло в памяти. В общем, серьезно относиться к «Выбранным местам из переписки с друзьями» не стоит. – Илья затеребил выбившуюся из свитера на рукаве толстую нитку. Что ни наденет Илья, через пару месяцев это выглядит, как бабушкин салоп. Хотя вроде задания выпадали Илье без засад по мусорным бачкам, сугубо кабинетные.

– Это твое мнение? – отставил, так и не допив чашку, Максими́ч.

– Приведу цитату из современника, епископа Калужского: «Э, полноте – какой он богослов, он просто сбившийся с истинного пути пустослов». – Илья тряхнул головой, отбрасывая длинную челку назад. Волосы он всегда носил длинные, не зависимо от моды.

– Ты эрудицией не дави, – засопел Максими́ч, – и разработку не прекращай. Других авторитетов пощипли, что ли. Что-то за этим должно быть.

– Как скажешь, – бескровные губы Ильи вытянулись в дефис, что означало несогласие с решением командира. Но не соглашаться и отказываться выполнять приказ – две большие разницы.

– А у тебя как дела? – начальник повернул брови в сторону Пети.

– Никаких концов, – удрученно отрапортовал младший.

– В Регистрационную Палату совался?

– Совался. Не регистрировалась подобная фирма в эСПеБе.

– А там, где они рекламу заказывали? Должны же остаться счет-заказы, договоры на размещение, приходники, гарантийные письма, наконец.

– Ничего. Заплатили черным налом. По бухгалтерии не проводили.

– Эй, шеф, – обиженно перебил диалог Павел. – Мы же не в курсе.

– Лады, давай по порядку, – согласился Максими́ч.

– Дело было так, – Петя достал из кармана авторучку и потянулся сунуть ее колпачок в уголок рта, но вовремя заметил проступающие на лицах слушателей улыбки. – По весне объявилась в Питере некая Ассоциация борьбы с курением. Вроде как в рамках голландской просветительной программы, хотя голландцы там и рядом не стояли. Механизм такой: приходишь, заполняешь анкету типа «курю, но брошу», а через месяц сдаешь кровь на анализ типа «есть никотин в крови или нет». А среди прошедших тест разыгрывается путевка в Голландию.

– Скорее всего, опять шишаги, – обречено махнул рукой Паша и снова полез в карман за семечками. – Кровь таким Макаром собирали и как донорскую продавали за бугор.

У Ильи неожиданно в кармане запиликал мобильник. Он сунул руку и придушил пальцами, как живое. Виновато пожал плечами.

– Не веришь ты, Пашенька, в вампиров, – констатировал со значением Максимыч.

– Не верю, – уверенно тряхнул рыжим чубом Паша, хотя у самого на шее, точнехонько на яремной вене, был вытатуирован крестик против укуса. – Где-нибудь за Приозерском – пожалуйста. А чтоб вот так, в центре Питера...

– А в оборотней веришь?

– Что, опять?

– Не опять, а снова, – утвердительно качнул подбородком шеф. – В этот понедельник спозаранку я посетил место преступления. И, как обычно: обескровленный труп с прокушенным кадыком. И чуть сбоку характерный след гигантской волчьей лапы.

– Это уж который по счету? – затеребил шевелюру опер Капустин. – А что «убойники»?

– В молоко. Маньяка будут искать.

– Ну, дела: А мы что?

– А мы продолжаем планерку. О своих делах вы доложили. Теперь охота послушать, что от стукачей слышно.

По молодости у Пети еще не было персональных стукачей, и он только развел руками. Паша изобразил мышцами лица, что, как только что будет, так он сразу и доложит.

– Кстати, Паша, послезавтра у тебя выходной, – что-то там комбинируя в голове, негромко приказал командир и причмокнул. – Ай, как все некстати!..

– Дык я ж проверялся. У меня: «следует отдать себя работе целиком».

– Ты, мил человек, наверное в каком-то женском журнале гороскоп читал. А я предупреждал: если самому на себя лень потрудиться, побеспокойся «Асток» полистать. Знакома такая газета? У метро бесплатно раздается по понедельникам. Тамошний гороскопист в своем деле хоть малость, да сечет.

Илья вернулся за компьютер и из-за компьютера не особо бодро поделился:

– У меня тоже ничего особенного. Только вот была в Питере небольшая секта. Так они свернулись.

– Какая такая секта?

– Иоанновский Центр поиска ключей к небесным вратам для всех. Епископ во главе тридцати ветхих прихожанок. Епископ был подкованный. Не то что Библию, Соловьева и Булгакова наизусть знал. Что-то такое ему открылось. Простился с прихожанами и отбыл в даль светлую.

– Кассу подмел?

– В том-то и дело – все раздал старухам. Не соскочил. По-доброму канул.

– Чудеса! С какими порядочными людьми одни улицы топчем, – сплюнул шелуху в горшок с кактусом изнывающий, но пытающийся не выдать этого Павел.

– Больше ничего интересного стукачи не давали? – на всякий случай переспросил Максимыч, обвел гвардию взглядом: – Ну ладно, слушайте резюме.

Некое шевеление промелькнуло в рядах. Вроде как каждый постарался придвинуться ближе.

– Максимыч, тебе занятия рекрутингом не в прок пошли, – не упустил возможности подначить командира Илья. – Словами иностранными кидаешься.

Шеф неожиданно для подчиненных вспылil:

– Уж лучше по рекрутингу ботать, чем по эзотерической фене! За своим языком следите, господа исаявцы. Молмите, как лярвы подземельные. – А причина беситься была. В кармане брюк хранилась. И ощущал эту причину Максимыч кожей через ткань на протяжении всего «гарнизонного смотра», как раскаленный горчичник.

– Ладно, не кипятись, ты же итог собирался подводить, – напомнил Паша.

– Вижу, что непробиваемые, – умерил пыл командир. Еще раз обвел бойцов взглядом. Теперь все в порядке: спины прямые, ушки на макушке. Осознают, родимые, что начальник сейчас самое главное, ради чего «Пятница – 13-е» игралась, изложит. – Ладно, итог будет таков: дела задвинуть и всем скопом думать, как Черного Колдуна на перст Божий посадить. Сдается, осерчал Передерий досконально после нашей встречи в метро... Угадайте с одного раза, что будет с вами, если он меня первым достанет? Вижу по ухмылкам, угадали. Тогда от каждого – по разработке оперативных мероприятий. Готовые планы – через два часа мне на стол!

Максимиш легко поднялся со стула и направился к двери, оставив своих бойцов с раскрытыми ртами. Илья растеряно подумал, что шеф забыл плащ и кепку в шкафу, минут через пять, остыв, вернется потайным ходом. Петя сожалел, что так и не требовал одолженный столтник – молодой просто не шарил по неопытности, какая над отделом нависла угроза.

– Кстати, режим «Пятница – 13-е» пока продлевается на неделю, – негромко и не поворачиваясь, фыркнул командир с порога. Не сомневался, что будет услышан. – Не бриться, ногти не стричь, мусор из дому не выносить, по сырой земле не ходить.⁵ А пришлось – следы за собой затирать. Враг шустрый, слепочек тут же срядит. Окурки не разбрасывать. Особенно это касается тебя, Хомячок. Кстати, окурочек, который в форточку спустил, отыщи и доложишься. И жен предупредить, – командир оглянулся, шире всех глаза были вытаращены у Пети. – У кого жены есть!

На протяжении всего совещания елозил в дальнем уголке сознания Максимиша вопрос: рассказать или не рассказать верным бойцам о найденном утречком в почтовом ящике конвертике. На конверте обратный адрес был чин по чину написан. Астрахань, ул. Менделеева 155/59. Там действительно проживала некая старая знакомая. Только осторожный Максимиш конвертик вскрыл, глядя в зеркало. И в зеркальном отражении узрел изображенного на открытке букашку-скорпиона. Весточка-то оказалась от Передерия.

Дверь за командиром захлопнулась. Нет, пока не стал Максимиш разжевывать ретивым соколам, что послужило последней каплей для объявления «Пятницы».

⁵ Один из способов магического воздействия на человека – воздействовать на ранее принадлежавшее ему

ФРАГМЕНТ 4 ГЕКСАГРАММА СЮЙ «НЕОБХОДИМОСТЬ» ОЖИДАНИЕ НА ПРИБРЕЖНОМ ПЕСКЕ

Вторник. Весам придется обратить внимание на свою репутацию, которая может оказаться под угрозой. Стрельцам рекомендуется подумать о потенциальных соперниках, проанализировать прошлые ошибки и просчеты. Окружающие будут вмешиваться в замыслы и планы Водолея. Несчастливые числа дня 9, 24 и 60. В Древнем Риме весталкам полагалось питаться в этот день только молоком и куриными яйцами, как символами производящей силы. Если, выходя из дома, споткнешься – скоро опять там быть.

Одного взгляда на не до конца задернутое занавесками окно хватило, чтобы тут же расхотеть выбираться из-под одеяла. Светлана снова закрыла глаза, пытаясь понять, в хорошем или плохом настроении проснулась. И хотя особых причин для оптимизма не было, решила, что, кажется, все же в хорошем. Вот и ладушки, вот и будем вести себя пайнкой. Откинув край килтового одеяла, она на ощупь ножкой поискала тапочки, встала, сладко потянулась и подхватила со стула халат. Батареи еще не топили, но она не стала унижать себя тем, чтобы зябко ежиться. Не дождетесь.

Утренний визит в туалетную комнату. Ой, как классно, что на скрип половиц не высывает нос из персональных апартаментов Мироновна, и не приходится держать испепеляемую порицанием спину ровно и гордо. Но скорее всего сегодня свобода и закончится. Мироновна имеет скверное обыкновение наезжать к условленной дате и поселяться в угловой комнатухе. Пока жильцы не заплатят. А в кошельке у Светланы, коль вчера оставалось что-то около тридцатника, сегодня гуляет не больше двадцати рублей. Давненько ее парусник не сажился на столь безнадежную мель.

Свершив ритуал с зубной щеткой и плеснув в лицо пригоршню воды, Света только воспоминанием виденной за окном непогоды отогнала соблазн тут же нырнуть под душ. Пару раз взмахнула, как дирижер палочкой, кисточкой с тушью. Потом расческой. Потом, подышав на зеркало, оставила на замутнившемся пятне пятерню, и это было похоже, как рисуют солнышко. Вышла на кухню и энергично задернула штору на окне, чтобы не лицезреть вселенскую слякоть. Вот так мы, девушки, обычно закрываем глаза на проблемы.

К сожалению, в отведенном ей шкафчике и на полках холодильника было хоть шаром покати. Чтобы не растратить настроение, она даже не стала ни туда, ни туда заглядывать. Просто высыпала в кофейник остатки радующего ноздри пороха из кофемолки – на две чашки должно хватить, залила кипяченой водой из чайника и поставила на газ. Загадала: если включит радио и услышит мужской голос, все будет хорошо. Женский – и рыпаться не стоит. Но из радио заструилась музыка композитора, кажется, Доги к фильму «Мой ласковый и нежный зверь». Вальс без слов.

Конечно, готовить кофе на водопроводной воде было дурным тоном. Но на всякие там «Росинки» и прочие артезианские развесные порции тратить последние шиши, наверное, не стала бы даже английская королева. Томно потянувшись, Света подхватила алюминиевый ковшик с длинной ручкой, отвернула фырчащий кран и полила понурую герань – в рамках обязательств жилички. Марья Мироновна обязательно ткнет в землю пальцем – сырая ли?

Повернулась к зеркалу, хотя смотрелась минуту назад, и опять осталась довольна, не обнаружив намеков на мешки под глазами.

Света чуть не прозевала момент, когда золотисто-коричневая пена, зашипев, попытается дать деру. Поставила на поднос две позвякивающие серебряными ложками чашки, банку с засахарившимся медом вместо сахара и, гордая собой, отправилась обратно.

Толкнула дверь шлепанцем. Закрыла тоже ногой и только после этого водрузила поднос на стол – коммунальная, черт ее забери, привычка. А он продолжал себе дрыхнуть, сладко посапывая. Он, увлекший ее вчера кавалер, лежал на правом боку, натянув одеяло до самого подбородка. И ей вдруг захотелось выщипнуть из сухого букета на столе соломинку и пощекотать кавалеру ухо.

Что она тут же и проделала с усердием.

Кавалер рывком оторвал голову от подушки, затряс головой, как выбравшийся из лужи доберман, и, разглядев Свету, улыбнулся. Несмотря на волевую, чуточку оплывший подбородок, улыбка вышла милая. Значится, и у хлопца хорошее настроение. Значится, консенсус удался.

– А у тебя шея лебединая, – вдруг выдал он потрясающий комплимент.

– И змеиный язык. Кофе хочешь? – спросила она и почувствовала, что и на ее лицо сама собой наплывает улыбка. Именно та обворожительная улыбка, от которой все мужики балдеют. Честное слово – не нарочно.

– Кофе? В постель? – со сна голос у него получился хриплый. На правой щеке краснел отпечаток рубца от подушки.

– Если поклянешься не пролить на подушку, – это она сказала, чтобы он не слишком задавался. А то мордаха у него стала, как у сытого хитрого тюленя.

– Не будем рисковать, – покладисто согласился кавалер, поворочался под разноцветными ромбиками лоскутного одеяла с аппликационным лебедем сверху и выкарабкался из кровати уже в трусах. Лет ему было под тридцать, и он явно следил за телом при помощи тренажеров и кварцевых ламп. И правильно, раздавшиеся мужики вызывали у Светланы одну только брезгливость.

– Классный кофе, – вежливо сказал кавалер.

Стол был застелен украшенной по периметру скупыми кружевами скатертью. И за вчерашнее приключение на скатерти не появилось ни одного пятна. Отрадно. Гость тоже не удосужился положить в чашку мед – тоже не был сладкоежкой. Еще один плюс.

– Все для тебя, милый! – фыркнула она, пытаясь не рассмеяться и все же почти смеясь, потому что он чуть не опрокинул стоящую на полу пустую бутылку «Поль Массона». Свидетельство вчерашнего грехопадения.

Он заметил свою оплошность, переступил, высоко поднимая босые пятки – слава Богу, у нее царила чистота – на более безопасный участок дощатого, не паркетного, пола и вдруг с неодобрением уставился на свои наручные часы:

– У-у-у, как все запущено! – только и произнес.

– Сколько там? – из вежливости поинтересовалась Светлана. Спешить самой ей было особо незачем. На полновесный день лишь одно, скажем так, дельце. И торопиться не следует. Куда-куда, а туда Светлана всегда успеет. И кроме того, она не то чтобы предполагала, но была бы не против дополнительного – утреннего секс-сеанса. Но не набиваться же.

– Труба зовет, – серьезно свел брови кавалер, как бы намекая, что он и рад зависнуть, да не может. И принялся сосредоточенно натягивать подхваченные со спинки стула джинсы.

Света осторожно поднесла чашку к губам и совершила робкий глоток. Боялась обжечься. Коль так, прежде чем отправиться на это самое одно, скажем, дельце, она прошвырнется по магазинам. Хотя нет – на улице дождь и слякоть. Тогда она... Примет душ и

завалится в кровать с какой-нибудь книжкой. Что бы такое почитать? Вроде на полке забыт путеводитель по Эрмитажу года издания эдак сорок девятого.

– И все таки подумай, авось, и соберешься кольцо продавать. Я хоть цену нормальную дам... – многозначительно оборвал фразу кавалер, деликатно отворачиваясь, чтобы застегнуть джинсы. Очевидно, многозначительные паузы были его коньком.

Она не кокетничала. Действительно забеспокоилась, что гость с присущей мужикам непосредственностью испортит впечатление о себе:

– Ну что ты, Стас, как герой с Кондратьевского рынка? Так славно с тобой поамурничали, я сразу объяснила, что колечко продавать не собираюсь. А ты, вместо поцеловать на дорожку, клянчить начинаешь... – ее глаза поменяли цвет, из карих стали непроглядно черными.

– Ладно, Светка, не ворчи. Лучше дай еще раз поглядеть.

Свете захотелось сладко зевнуть. Она встала, вынула кольцо из шкатулки и протянула на ладони. Стас аккуратно взял двумя пальцами, спрятал в кулак и приставил к глазу. Признаться, и в столь нелепой позе он все равно годился на титул «Мистер Очарование».

– И все-таки оно светится, – с некоторым даже разочарованием протянул он. – И это не фосфорная краска.

– Фигни не держим, – довольно улыбнулась она и отпила из остывшей чашки. Заранее тешась, как откроет путеводитель там, где морализаторы-искусствоведы образца сорок девятого года трактуют творчество Родена.

– Но если не хочешь продавать, зачем звонила в «Третий глаз»?

– Не будь занудой, я же не тебе звонила, – она выплянула в окно, загадав: если узрит четное число пешеходов, то из угнетающего ее «дельца» выйдет толк. Если нечетное – капут. За окном моросил дождь. И никого.

Мимоходом его взгляд измерил и шкатулку, но явно измерил невысоко:

– Ты говорила, что осталась без денег. – Ой, каким он стал сразу серьезным. Очевидно, этот парень мог шутить на любую тему, кроме финансовой.

– Денег мне пока своих хватает, спасибо, – беззаветно соврала Света. – Давай прекратим этот бессмысленный треп. Кстати, ты вроде торопишься?

Стас застегивал рубашку:

– Слушай, как-то вчера разговор не зашел, так и не знаю, чем ты занимаешься, кем работаешь? – рубашечка его была весьма респектабельная. Из грубого, по нынешней моде, материала, цвета спелых пшеничных колосьев. С подлинным, никак не турецким ярлычком на изнанке воротника. И сей ярлык не преминул неаккуратно выбиться наружу.

– О! – Светлана приняла гордую позу, явно копируя какую-то знаменитую «древнегреческую» скульптуру. – У меня редкая профессия. Я выращиваю для зоомагазинов ядовитых рыбок, шустреных скорпиончиков и прочих гадючек. Одна из них как раз вчера сбежала и наверняка заползла в твой карман. Тебе не страшно, милый?

– Страшно, аж жуть! – кое-как подыграл натягивающий через голову свитер кавалер. Сам неоднократно вравший одноразовым девицам, будто пашет ветеринаром в зоопарке. – Так вот почему у тебя дома не летает ни единой мухи!

– Глупый, – Света, притворяясь обиженной, поджала губы. – Просто осенью все мухи засыпают. – Она заглянула в его чуть тронутую чашку. – Я так понимаю, продукт переводился зря! – Развивать тему про насекомых не хотелось. Имелись причины.

– И все таки очень странное кольцо, – Стас опять держал его на ладони, далеко отведя от глаз. Рубашка и джинсы были уже застегнуты. Воротник рубашки был освобожден от горловины свитера. Свитер был разглажен по фигуре. – Я слыхивал о древних индийских боевых браслетах-швадамштра, которые носили женщины-кшатрии. И это кольцо, вроде, оттуда. Эти шипы называются «собачьи клыки», серебро очень грубое, чтоб прочнее было.

Но о боевых кольцах я ничего не слыхал. Интересно, Светка, какого ты роду-племени, если это кольцо тебе досталось по наследству?

– Уважаю дотошных мужиков! – Светлана бухнулась на незастеленную кровать, следя, чтобы полы халата вели себя скромно – не любила разнузданности. Вообще-то вопрос слишком касался ее тайны, и отвечать не хотелось. – Ну ладно, не по наследству. Это премия за некую работу, которую мы выполнили с мужем.

– Е-мое! Так ты замужем? – Стас, уже было намерившийся допить кофе, невольно глянул на свои туфли у порога, словно немедленно собрался в них впрыгнуть и как можно быстрее ретироваться.

– Успокойся, милый. – Светлана расхохоталась. – Неужели думаешь, что если бы у меня с мужем сохранялись отношения, ты провел бы ночь в этой кровати?

– Ну...

– Стас, ты вчера был такой душка, неужели тебе нужно все испортить?

– Ладно, извини. Кстати, ты не против, если я не куплю, а просто возьму это кольцо на время? Надо бы его хорошенько изучить.

– Ну если надо... – неожиданно беззаботно согласилась Светлана, взлетела с кровати, подступила к кавалеру и заправила колом торчащий из-за воротника его рубашки ярлычок.

Пока Стаса провожали до входной двери, он гадал, спросит или не спросит она, когда гость намерен появиться в следующий раз. Как минимум чтобы вернуть кольцо. Она не спросила. Поцелуй вежливости, и они расстались. Стас в незастегнутой куртке сбежал по ступеням и, морщась от летящих в лицо мелких дождевых капель, издав пиликнул брелком, отрубая сигнализацию в «девятке».

Рулить ему было всего ничего – два поворота. Затем выскочить под дождь и в прихожей редакции «Рекламы-Шанс», благо – по пути, опустить в дежурный ящик несколько загодя заполненных купонов бесплатных частных объявлений: «Продаю настенные часы Gustav Becker (конец 19в) в рабочем состоянии, 1 тыс. у.е., вышлю фото...»; «Куплю абажур, часы морские, авиачасы, секстан, ПНВ-57Е, дорого...»; «Куплю антикв. мебель, старинные картины, люстры, скульптуру, изделия из серебра, бронзы, дорого...»

Потом еще поворот на распоротый полозьями трамвайных рельс Греческий проспект и парковка у служебного входа огромного здания цвета мокрой охры. В это время дня свободного места – хоть танковую дивизию дислоцируй.

Стас поднял воротник куртки, зябко ежась, оббежал вокруг «девятки» и достал из багажника потертый дипломатик. Еще в багажнике покоились, дожидаясь своего часа, удочки и рюкзак – типичная маскировка охотника за иконами в глубинке. Проверил, надежно ли захлопнулся багажник, походя снял, чтоб не искушать местную гопоту, дворники, цыкнул брелком сигнализации и засеменил по скользким гранитным ступенькам к подъезду number two – служебному входу Большого Концертного Зала «Октябрьский».

Сквозь щель в жалюзи посетитель увидел, что сегодня на вахте Родинский. Это была добрая примета.

– Посмотрите в списках, на меня должен быть заказан пропуск. Мое имя – Стив Уандер.

– Негров велено не пущать! – привычно отшутился старик и мотнул головой: дескать, не маячь, проходи, не отвлекай. Видишь – интересную газету читаю. На столе лежала никакая иная газета, а «Третий глаз».

Стас сразу направился по ступеням вниз, во внутренний артистический буфет.

– Станислав Витальевич, есть что-нибудь новенькое? – углядела его спину курящая на верхней лестничной площадке местная завсегдатая Лидия Николаевна. Дама, склонная к полноте и алкоголизму, а в миру неплохая портниха – и неплохо зарабатывающая.

– Из нового – пианино «Братя Дитрих». Сборка 1899 года, выпуск 1900-го, идеальное состояние, идеальный звук. То, что вы просили. – Было забавно слышать рождающееся в обычно оглохших от гама стенах всполошенное одинокое эхо. Увы, жизнь наполняла эти стены гораздо ближе к вечеру.

– Вообще-то я заказывала брошь с агатом.

– С брошью придется подождать, – многозначительно прогудел Стас, обходя подавившуюся со вчерашнего дня мусором урну.

– А вообще вы здесь к кому? – ничего подозрительного, ничего особенного. Женское любопытство. От безделья и скуки.

– К гастролерам.

– К «Методу», что ли? А к Алле Борисовне заглянете?

– Не с чем, – скрывшись с глаз портнихи, Стас стер неприятную американскую белозубую улыбку.

По коридору, похожему на предбанник спортивного бассейна, Стас вышел к полуподвальной общепитовской точке. Действительно, гастролеры обретались здесь, сидели, сдвинув воедино два хилых столика на паучьих ножках. И кроме них в буфете никого не было. Даже из-за стойки с устаревшим сверкающим кофеварочным агрегатом не выглядывало отважно суровое лицо буфетчицы тети Глаши.

У застолбившего место спиной ко входу клиента на толстой шее дрожала от напряжения родинка. Ослепительный расшитый драконами и мандаринами шелковый вьетнамский халат облегал пышные формы поверх босяцкого спортивного костюма. Гневный дискант рикошетил от потолка и наверное дохлестывал до посудомойки:

– Короче, хватит про Дворжак! Что ты микшируешь и микшируешь: «Дворжак, Дворжак, Дворжак...» Смени компакт! – это говорил команданте Шурик. Главный по «Методу». Легко впадающий в истерику бабник-неудачник.

– Да ты не включился! Для тебя что Дворжак, что Мендельсон, – дразнил его откинувшийся с театральной плавностью на спинку стула Денис. Концертный костюм Дениса – китель без ворота, но с объемными ватными плечами, косоворотка-апах и просторные тонкого сукна брюки были беспардонно измяты.

Валентин и Зиновьев шушукались о своем. Виктуриан, Гена и Шигин внимали. Родинка буквально заходила ходуном:

– Это я-то Мендельсона не отличу?! Я трижды под этот марш в ЗАГСе отсвечивал! Ах ты – сраный фонограмщик, это я-то не включился!? – тут команданте усек, что внимание соратников сместилось на кого-то за спиной, и оглянулся. – О! Здорово, Стас, садись, пива хочешь? А ты лабухнешь еще раз что-нибудь подобное – услышишь последний в своей жизни спиричуэлс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.